

The background of the cover is a detailed marble relief sculpture depicting a scene from the Peloponnesian War. It shows a standing figure on the left, a horse in the center, and a fallen figure on the right, all carved in a classical style with soft lighting and shadows.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПЕЛОПОННЕССКАЯ
ВОЙНА

ДОНАЛД
КАГАН

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Дональд Каган

Пелопоннесская война

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69742921
Пелопоннесская война: Альпина нон-фикшн; Москва; 2023
ISBN 9785002231362

Аннотация

В V веке до н. э. в течение долгих трех десятилетий Древняя Греция находилась во власти конфликта не менее драматичного и разрушительного, чем мировые войны XX века, – Пелопоннесской войны. Известный американский историк-антиковед, один из самых уважаемых в мире специалистов по Древней Греции Дональд Каган рассказывает об этом кровавом противостоянии афинян и спартанцев.

«Пелопоннесская война» – новое исследование поворотного момента в истории западной цивилизации, авторитетный исторический труд, написанный, однако, для широкого круга читателей, живо и увлекательно. Перед нами подробное описание давно исчезнувшего мира, взлета и падения великой империи и хроника темных времен, уроки которых до сих пор находят у нас живой отклик.

То, что мы называем Пелопоннесской войной, было бы правильно и поучительно назвать «великой войной между Афинами и Спартой», как выразился один исследователь.

Подобно войне 1914–1918 гг., получившей от старшего поколения, не знавшего других войн, имя «Великая война», эта война стала трагедией, великим историческим рубежом, концом эры прогресса, процветания, надежды и веры в будущее и началом более мрачной эпохи.

Особенности

В книге проведено более 30 карт сражений.

Для кого

Для всех, кто интересуется историей и стратегией.

Содержание

СПИСОК КАРТ	9
БЛАГОДАРНОСТИ	11
ВВЕДЕНИЕ	12
ЧАСТЬ I	23
ГЛАВА 1	25
СПАРТА И ЕЕ СОЮЗНИКИ	26
АФИНЫ И АФИНСКАЯ ДЕРЖАВА[5]	32
АФИНЫ ПРОТИВ СПАРТЫ	43
ТРИДЦАТИЛЕТНИЙ МИР	50
УГРОЗЫ МИРУ: ФУРИИ	54
САМОССКОЕ ВОССТАНИЕ	57
ГЛАВА 2	61
ЭПИДАМН	61
КОРИНФ	67
ГЛАВА 3	70
БИТВА ПРИ СИБОТСКИХ ОСТРОВАХ	77
ПОТИДЕЯ	82
МЕГАРСКОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ[8]	84
ГЛАВА 4	88
СПАРТА ВЫБИРАЕТ ВОЙНУ	88
РЕШЕНИЕ АФИНЯН О ВОЙНЕ	100
Конец ознакомительного фрагмента.	112
Комментарии	

Дональд Каган

Пелопоннесская война

Переводчики *Никита Белобородов, Максим Коробов*

Научный редактор *Святослав Смирнов, канд. ист. наук*

Редактор *Арсений Захаров*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Е. Барановская, Е. Рудницкая*

Художественное оформление *Д. Изотов*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Арт-директор *Ю. Буга*

Иллюстрация на обложке *Getty Images*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от то-

го, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

This edition published by arrangement with Viking, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

© Donald Kagan, 2003

All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

ДОНАЛЬД КАГАН

ПЕЛОПОННЕССКАЯ
ВОЙНА

Перевод с английского

АЛЬПИНА НОН-ФИКШ

Москва

2023

СПИСОК КАРТ

Греция и западная часть Малой Азии

1. Спарта и Пелопоннес
2. Афины и их заморские владения (ок. 450 г. до н. э.)
3. Эгейское море
4. Аттика, Мегары, Беотия
5. Южная Италия и Сицилия
6. Самос и Милет
7. Эпидамн и Керкира
8. Битва при Сиботских островах
9. Халкидика и Фракия
10. Пелопоннес, Пилос, Сфактерия, Киферы
11. Северо-западная Греция
12. Коринфский залив
13. Сицилия и Южная Италия
14. Центральная Греция
15. Пилос и Сфактерия
16. Амфиполь и окрестности
17. Подступы к Аргосу, 418 г.
18. Аргивская равнина, 418 г.
19. Битва при Мантинее
20. Сицилия и Южная Италия
21. Битва на реке Анап

- 22. Осада Сиракуз
- 23. Эгеида и Малая Азия
- 24. Проливы
- 25. Битва при Кизике
- 26. Босфор и Мраморное море
- 27. Аргинусы
- 28. Битва при Аргинусах
- 29. Сражение при Эгоспотамах

БЛАГОДАРНОСТИ

Меня вдохновил на эту книгу старый друг и бывший ученик Джона Хейл из Университета Луисвилля. Во время долгого перелета он убедил меня в том, что кто-то должен написать историю Пелопоннесской войны в одном томе для непрофессионального читателя и что я могу стать ее автором. Я получил огромное удовольствие от написания этой книги и благодарю его за то, что он прочитал рукопись, за его талант, энтузиазм и дружбу. Я также благодарен моему редактору Рику Коту за необычайно внимательную редактуру, которая значительно улучшила книгу, и за многочисленные дружеские беседы. Благодарю своих сыновей Фреда и Боба, историков, которые многому научили меня. Наконец, я благодарю свою жену Мирну за то, что она вырастила таких мальчиков и не давала их отцу унывать.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении почти трех десятилетий в конце V в. до н. э. Афинская держава сражалась с Пелопоннесским союзом – это была страшная война, навсегда изменившая греческий мир и греческую цивилизацию. Всего за полвека до ее начала объединенные силы греков под предводительством Спарты и Афин отразили нападение могущественной Персидской империи и отстояли свою независимость, выдворив армию и флот персов с территории Европы и освободив греческие города на берегах Малой Азии от персидского господства.

С этой потрясающей победы в Греции началась славная эпоха роста, процветания и благополучия. Особенно расцвели Афины: население увеличилось, и афиняне построили державу, принесшую им богатство и почет. Молодая афинская демократия заматерела: участие в политической жизни, политические возможности и власть стали доступны даже низшим слоям граждан, и все новшества, введенные в Афинах, пустили корни в других греческих городах. Это также была пора невероятных культурных достижений, по своей оригинальности и насыщенности, вероятно, не имеющая аналогов в истории. Поэты-драматурги, такие как Эсхил, Софокл, Еврипид и Аристофан, подняли трагедию и комедию на непревзойденный уровень. Архитекторы и скульп-

пторы, создавшие Парфенон и другие строения на Афинском акрополе, в Олимпии и по всему греческому миру, заметно повлияли на развитие западного искусства и продолжают это делать по сей день. Философы, например Анаксагор и Демокрит, вооружившись лишь человеческим разумом, старались понять, как устроен физический мир, а такие первопроходцы моральной и политической философии, как Протагор и Сократ, делали то же самое в сфере человеческого бытия. Гиппократ и его школа добились огромных успехов в медицине, а Геродот изобрел историографию в том виде, в каком мы понимаем ее сегодня.

Пелопоннесская война не просто ознаменовала конец этого удивительного исторического периода – сами ее участники воспринимали ее как критическую поворотную точку. Великий историк Фукидид сообщает, что приступил к написанию своего труда, как только началась война:

предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех, бывших дотоле. А рассудил он так, потому что обе стороны взялись за оружие, будучи в расцвете сил и в полной боевой готовности; и кроме того, он видел, что и остальные эллинские города либо уже примкнули к одной из сторон сразу после начала войны, либо намеревались сделать это при первой возможности. И в самом деле война эта стала величайшим потрясением для эллинов и части варваров, и, можно сказать, для большей части

человечества¹ (Фукидид, *История* I.1.1–2).

Греками V в. до н. э. Пелопоннесская война небезосновательно расценивалась как мировая война, ставшая причиной бесчисленных человеческих жертв и разрушений, усугубившая междоусобную и классовую вражду, разломившая греческие полисы изнутри и дестабилизировавшая их отношения друг с другом, что в конечном счете ослабило их способность противостоять внешним угрозам. Война также обратила вспять процесс роста демократии. Пока Афины были сильны и успешны, их демократические установления привлекали другие полисы, однако поражение Афин решительным образом повлияло на политическое развитие Греции, направив ее по пути олигархии.

Кроме того, Пелопоннесская война отметилась беспрецедентной жестокостью, выйдя за рамки и без того суровых правил, до той поры определявших греческое военное дело, и преступив тонкую грань, отделяющую цивилизацию от варварства. В ходе затянувшихся боевых действий росли злость, отчаяние и жажда мести; это множило зверства, выражавшиеся в том, что взятых в плен противников калечили и убивали, бросали в ямы умирать от жажды, голода и холода, скидывали в море, чтобы те утонули. Банды маро-

¹ Перевод Г. А. Стратановского. Здесь и далее цитаты из сочинения Фукидида «История» приведены по изданиям: Фукидид. История / Пер. Г. А. Стратановского. – М., 1981; Фукидид. История / Пер. Ф. Г. Мищенко. – М., 1915. – *Прим. ред.*

деров убивали невинных детей. Уничтожались целые города, мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство. На острове Керкира, ныне известном как Корфу, группировка, победившая во внутривосточном конфликте, вызванном более масштабной внешней войной, резала своих сограждан целую неделю: «Отец убивал сына, молящих о защите силой отрывали от алтарей и убивали тут же» (Фукидид, *История* III.81.5).

Распространение насилия привело к краху обычаев, институтов, верований и ограничений, имеющих основополагающее значение для цивилизованной жизни. Слова изменили свой смысл, отражая воинственный контекст: «Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благоразумная осмотрительность – замаскированной трусостью, умеренность – личиной малодушия». Религия перестала быть сдерживающим фактором, «и те, кто совершал под прикрытием громких фраз какие-либо бесчестные деяния, слыли даже более доблестными». Исчезли истина и честь, и «повсюду противостояли друг другу охваченные подозрительностью враждующие партии» (Фукидид, *История* III.82.4, 8; III.83.1). Таков был военный конфликт, вдохновивший Фукидида на едкое замечание о характере войны: «...война, учитель насилия, лишив людей привычного жизненного уклада, соответственным образом настраивает помыслы и устремления большинства людей и в повседневной жизни» (III.82.2).

Хотя Пелопоннесская война закончилась уже более 2400 лет назад, она из века в век продолжает поражать читателей. Писатели ссылались на нее для освещения Первой мировой – чаще всего для объяснения причин войны. Но самое значительное влияние в качестве аналитического подспорья пример Пелопоннесской войны оказывал, пожалуй, во второй половине XX в., в годы холодной войны, похожим образом расколовшей мир на два силовых блока, каждый из которых был ведом могущественной страной-лидером. Генералы, дипломаты, чиновники и исследователи совпадали в сравнении условий, приведших к войне в Греции, с враждой между НАТО и Организацией Варшавского договора.

Однако нелегко осмыслить подлинный ход и глубинное значение событий, имевших место два с половиной тысячелетия назад. Бесспорно, важнейший источник наших знаний здесь – история, написанная современником и участником войны Фукидидом. Его работой по праву восхищаются как шедевром историографии, ее приветствуют за содержащуюся в ней мудрость в отношении войны, межгосударственных отношений и психологии масс. Она также признается краеугольным камнем исторического метода и политической философии. Тем не менее этот труд не вполне удовлетворяет нас в качестве хроники военных действий и всего того, чему война может нас научить. Наиболее очевидный его недостаток – это незавершенность, ведь он обрывается

на полуслове за семь лет до окончания войны. Говоря о заключительном этапе конфликта, мы вынуждены полагаться на авторов, обладавших гораздо меньшим талантом и скудными или косвенными знаниями о событиях. В конце концов необходим современный подход к доступному объему данных, чтобы разобраться в обстоятельствах завершения войны.

Но даже период, рассмотренный Фукидидом, нуждается в дополнительном освещении, если современный читатель хочет достичь наиболее полного понимания во всей его военной, политической и социальной многогранности. Работы других античных авторов и записи современников, найденные и изученные за последние два века, отчасти заполнили пробелы, а некоторые из них породили вопросы к той версии истории, что рассказана Фукидидом. Наконец, всякая надлежащим образом написанная история Пелопоннесской войны требует критического взгляда и на труд Фукидида. Он обладал незаурядным и оригинальным умом и, как никто другой из античных историков, высоко ценил точность и объективность. Однако мы не должны забывать, что он также был человеком со свойственными ему эмоциями и слабостями. В оригинале на греческом языке его стиль часто весьма труден для восприятия, что неизбежно превращает любой перевод в интерпретацию. К тому же сам факт того, что он был участником событий, влиял на его суждения, и каждое из таких влияний необходимо тщательно взвешивать. Простое же

принятие на веру его взгляда ограничивало бы нас так же, как если бы мы без вопросов принимали рассказы Уинстона Черчилля и его видение двух мировых войн, в которых он играл столь значимую роль.

В этой книге я предпринимаю попытку написать новую историю Пелопоннесской войны, призванную ответить на нужды читателей XXI века. Она основана на моем исследовании, представленном в четырех книгах об этой войне, нацеленных в основном на академическую аудиторию^[1]. Здесь же моя цель – доступный рассказ, вмещенный в рамки одной книги для массового читателя, который читал бы ее для собственного удовольствия и для того, чтобы набраться мудрости, которую столь многие искали, изучая эту войну. Я избегаю сравнения событий Пелопоннесской войны с такими в более поздней истории, хотя немало параллелей приходит на ум, – и надеюсь, что повествование позволит читателям сделать их собственные выводы.

Я берусь за этот труд после стольких лет, поскольку как никогда уверен, что Пелопоннесская война – сильная история, которая может быть прочитана как необычайная человеческая трагедия, рассказывающая о взлете и падении великой империи, о столкновении двух различных обществ и образов жизни, о расчете и случае в делах людей, а также о роли, которую как блестяще одаренные люди, так и народные массы играют в определении хода событий, несмотря на свою зависимость от препятствий, которые ставят перед

ними природа и судьба и которые они сами ставят друг перед другом. Кроме того, я надеюсь продемонстрировать, что изучение Пелопоннесской войны является источником глубокого знания о поведении людей под тяжким гнетом войны, чумы и междоусобиц, знания о возможностях власти и неизбежных границах, в которых она действует.

ГРЕЦИЯ И ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ МАЛОЙ АЗИИ

0 100 150 км

ЧАСТЬ I НА ПУТИ К ВОЙНЕ

Великая Пелопоннесская война, развязанная, как тогда заявлялось, с целью принести грекам свободу, началась не с формального объявления войны и не с гордого и открытого вторжения на исконные земли державных Афин, а с тайного и вероломного набега мощного полиса на более скромного соседа в мирное время. То был не блистательный парад могущественного войска Пелопоннесского союза во главе с величественной фалангой спартанцев в сверкающих под аттическим солнцем ярко-красных плащах: несколько сотен фиванцев под покровом ночи внезапно напали на крохотный городок Платеи, проникнув внутрь с помощью предателей. Начало войны показало, какой она будет: совершенно непохожей на традиционное военное дело греков, основанное на действиях граждан-воинов, сражавшихся как гоплиты – тяжеловооруженные пехотинцы, образовавшие тес-

ные построения, именуемые фалангами, – в соответствии с устоявшимися и хорошо понятными правилами, по которым греки воевали на протяжении более чем двух с половиной столетий. Единственным честным видом сражения, как считалось тогда, была дневная битва на открытом пространстве – фаланга против фаланги. Более храброе и сильное войско естественным образом одерживало победу, устанавливало на ее месте трофей, завладевало спорной территорией, а затем, как и поверженный противник, отправлялось домой. Таким образом, исход войны, как правило, решался в одном сражении за один день.

События, приведшие к конфликту на этот раз, произошли в удаленных регионах, вдали от центров греческой цивилизации, и представляли собой, как могли бы сказать спартанцы или афиняне, «ссору в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем»^[2]. Лишь немногие греки, читавшие Фукидида, имели представление о том, где вообще находился город, с которого начались неприятности, и кто там жил; никто не мог предвидеть, что локальная стычка в этой отдаленной области на задворках эллинского мира приведет к чудовищной и разрушительной Пелопоннесской войне^[3].

ГЛАВА 1

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

(479–439 ГГ. ДО Н.Э.)

Мир греков простирался от разрозненных городов на южном побережье Испании – самый запад Средиземноморья – до восточного побережья Черного моря на востоке. Плотная группа греческих городов господствовала на юге Апеннинского полуострова и в большей части прибрежных областей Сицилии, однако центром греческого мира было Эгейское море. Большинство греческих городов, включая наиболее значимые, располагались на юге Балкан, где теперь находится современная Греция, на восточном побережье Эгейского моря, в Анатолии (современная Турция), на островах Эгейского моря и на северных его берегах.

На момент начала войны некоторые города в этом регионе сохраняли нейтралитет, однако многие, в том числе наиболее важные из них, уже подчинились гегемонии либо Спарты, либо Афин – двух государств, имевших, пожалуй, не меньше различий, чем любая другая пара греческих полисов, и смотревших друг на друга с недоверием. Их противостояние определило устройство греческой системы международных отношений.

СПАРТА И ЕЕ СОЮЗНИКИ

Союз во главе со Спартой сформировался раньше, в VI в. до н. э. На своих землях в Лаконии спартанцы властвовали над подчиненными, которые были разделены на две категории. Илоты – нечто среднее между крепостными и рабами – возделывали землю и обеспечивали спартанцев пищей; периеки – лично свободные, но подчинявшиеся спартанской власти – занимались ремеслами и торговали, исходя из нужд спартанцев. Только спартанцы не испытывали необходимости добывать пропитание и потому целиком посвящали себя военному делу. Это позволило им создать лучшую армию во всем греческом мире – войско граждан-воинов, профессионально тренированное и обученное как ни одно другое.

Однако общественное устройство Спарты таило в себе потенциальную опасность. Илоты примерно в семь раз превосходили числом своих спартанских хозяев, и, как выразился один афинянин, хорошо знавший Спарту, «когда среди них заходит разговор о спартиатах, то никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем»² (Ксенофонт, *Греческая история* III.3.6). Для решения проблемы периодических восстаний илотов спартанцы создали уникальные для греческого мира свод законов и образ жизни, подчинявшие личность и семью нуждам государства. В живых остав-

² Перевод С. Я. Лурье.

ляли лишь младенцев без каких-либо физических изъянов; в семилетнем возрасте мальчиков забирали из родительского дома, тренировали и закаляли в военном лагере, пока им не исполнялось двадцать лет. В возрасте от двадцати до тридцати лет они жили в казармах, и теперь уже наступал их черед помогать в обучении юных новобранцев. Им разрешалось жениться, однако посещать своих жен они могли только тайно. В тридцать лет спартанский мужчина становился полноправным гражданином – «равным» (*homoios*). Питался он в общей столовой вместе с четырнадцатью товарищами. Обед был простым, часто состоял из черной кровяной похлебки, приводившей в ужас других греков. Военная служба оставалась обязательной до шестидесяти лет. Вся система была направлена на производство воинов, чьи сила, выучка и дисциплина делали их лучшими в мире.

Несмотря на свое первенство в военном деле, спартанцы обычно не горели желанием идти на войну, прежде всего из-за опасений, что илоты могут воспользоваться длительным отсутствием войска и восстать. Фукидид отмечал, что «большинство лакедемонских³ мероприятий искони было, в сущности, рассчитано на то, чтобы держать илотов в узде» (V.80.3), а Аристотель говорил, что илоты «словно подстерегают, когда у них [спартанцев] случится несчастье» (Аристотель, *Политика* II.6.2 1269a)⁴.

³ Лакедемон – самоназвание Спарты. – Прим. ред.

⁴ Перевод А. И. Доватура.

В VI в. до н. э. спартанцы сформировали для защиты своей необычной общины сеть постоянных союзов. Современные исследователи обычно называют объединение вокруг Спарты Пелопоннесским союзом, однако в действительности это была шаткая организация, состоявшая, с одной стороны, из Спарты, а с другой – из группы союзников, связанных с ней сепаратными договорами. По призыву Спарты союзники воевали под командованием спартанцев. Каждый из полисов клялся следовать за Спартой в ее внешнеполитических делах в обмен на протекцию и на признание Спартой их целостности и самостоятельности.

Союзные обязательства толковались не в теоретическом, а в прагматическом ключе. Спартанцы помогали своим союзникам, когда это было выгодно для них самих или неизбежно, а других вынуждали вступать в конфликт всякий раз, когда это было необходимо и возможно. Все члены союза встречались в полном составе только по решению спартанцев, и нам известно лишь о нескольких таких встречах. Правила, с которыми считались в первую очередь, вводились под влиянием военных, политических или географических условий, и здесь обнаруживаются три неформальные категории союзников. К первой относились полисы, достаточно маленькие и территориально близкие к Спарте для того, чтобы та могла легко их контролировать, например Флиунт или Орнеи. Ко второй относились такие полисы, как Мегары, Элида и Мантинея, – они были сильнее или же находились

далее от Спарты, или и то и другое, но всё же не настолько, чтобы избежать сурового наказания, если бы заслужили его. В третью категорию союзников входили только Фивы и Коринф – полисы столь удаленные и могущественные сами по себе, что их внешняя политика редко подчинялась интересам Спарты (карта 1).

Аргос, крупный полис к северо-востоку от Спарты, был ее давним традиционным врагом и не входил в союз. Спартанцы всегда опасались объединения Аргоса с другими врагами Спарты, и в особенности его содействия восстаниям илотов. Все, что угрожало целостности Пелопоннесского союза

или лояльности любого из его членов, расценивалось как потенциально смертельная угроза для самой Спарты.

Теоретики рассматривали политическое устройство Спарты в качестве «смешанного государственного строя», сочетавшего монархические, олигархические и демократические черты. Монархическая составляющая выражалась в наличии двух царей, каждый из которых происходил из отдельной царской династии. В герусии, совете из двадцати восьми мужчин старше шестидесяти лет, избравшихся из малого числа привилегированных семей, воплощался олигархический принцип. Элементами демократии были народное собрание, в которое входили все спартанские мужчины, достигшие тридцати лет, и пятеро эфоров – высших должностных лиц, ежегодно избравшихся гражданами.

Двое царей занимали свои должности пожизненно; они командовали спартанскими армиями, выполняли важные религиозные и судебные функции, пользовались огромным авторитетом и влиянием. Поскольку они часто не соглашались друг с другом, вокруг каждого из них формировались группировки с различными взглядами на тот или иной вопрос. Заседавшая вместе с царями герусия была высшим судом в государстве и могла судить самих царей. Авторитет, которым в силу своих семейных связей, возраста и опыта обладали ее члены в обществе, столь почитавшем все перечисленное, а также почет, связанный с их избранием, давали им значительное неформальное влияние.

Эфоры тоже были важной силой, особенно во внешних делах. Они принимали послов, вели переговоры и посылали экспедиции, когда война была объявлена. Кроме того, они созывали народное собрание и председательствовали на нем, заседали с герусией и были ее высшими должностными лицами, а также имели право выдвигать против царей обвинения в государственной измене.

Формальные решения по поводу договоров, внешних сношений, войны и мира были в ведении народного собрания, однако его реальные полномочия были ограничены. Собрания проходили только тогда, когда их созывали должностные лица. Там почти никогда не случалось споров, а в качестве ораторов выступали обычно цари, члены герусии или эфоры. Голосование, как правило, проходило путем аккламации — чего-то вроде устного голосования; сортировка и подсчет голосов были редки.

В течение трех веков эти порядки не менялись ни законами, ни переворотами, ни революциями. Несмотря на такую «конституционную стабильность», внешняя политика Спарты часто была непостоянной. Конфликты царей друг с другом, конфликты эфоров с царями и друг с другом, а также неизбежный разлад ввиду ежегодной смены списка эфоров могли ослаблять степень контроля Спартой ее союзников. Союзник мог следовать собственным интересам, используя внутренние разногласия в Спарте. Могущественная армия Спарты и ее лидерство в альянсе давали спартанцам огром-

ную власть, однако если они пользовались этим против крепкого противника за пределами Пелопоннеса, то рисковали столкнуться с восстанием илотов или с нападением Аргоса. Если же они не использовали свою силу, будучи призванными своими наиболее важными союзниками, то рисковали лицезреть их переход на сторону противника и распад альянса, на котором покоилась их безопасность. В условиях кризиса, приведшего к войне, оба этих фактора определяют решения спартанцев.

АФИНЫ И АФИНСКАЯ ДЕРЖАВА⁵

Афинская держава родилась из нового союза, сложившегося после победы греков в Персидских войнах. Будучи сначала предводителем, а затем и гегемоном союза, Афины обладали уникальной историей, сформировавшей их облик задолго до того, как они пришли к демократии и достигли господства. Они были главным городом региона, известного как Аттика, – небольшого треугольного полуострова, раскинувшегося к юго-востоку от Центральной Греции. Поскольку большая часть региона примерно в 1000 квадратных миль покрыта горами и скалами и непригодна для земледелия, в древности Аттика была сравнительно бедной областью да-

⁵ В русскоязычной литературе для обозначения Афинской морской державы также используется термин «Афинская архэ (архе)» (от др.-греч. ἀρχή, здесь – «империя»). – *Прим. ред.*

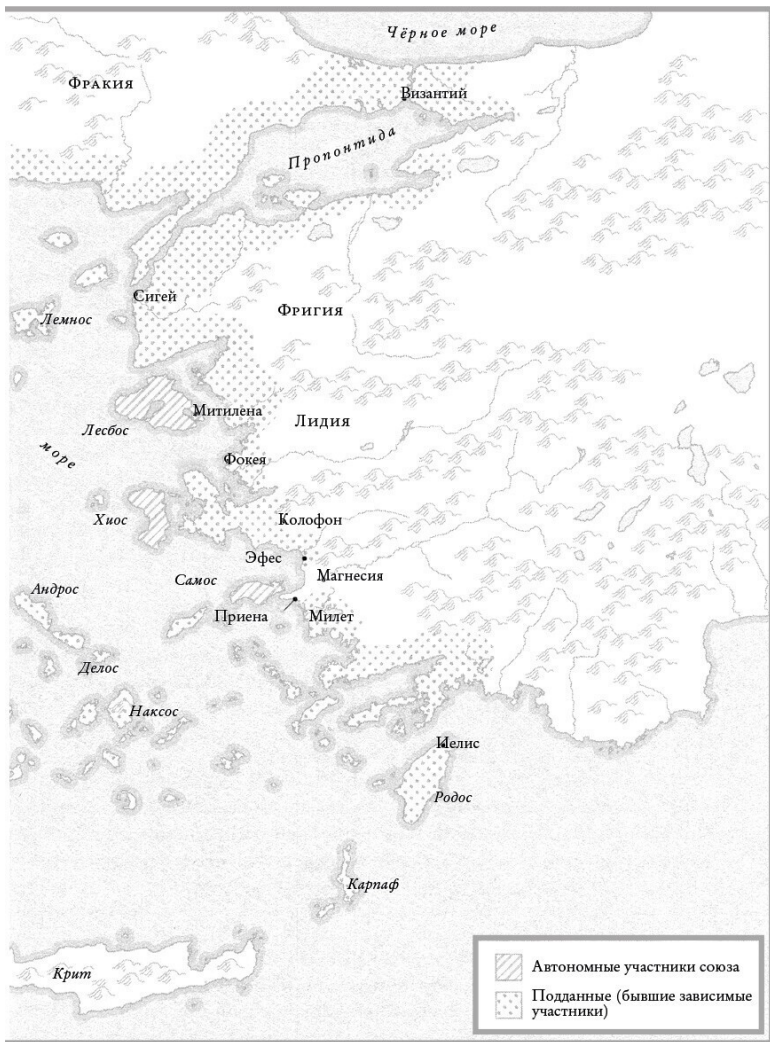
же по греческим меркам. Однако ее географические условия оказались благословением, когда вторгшиеся с севера захватчики обрушились на более привлекательные земли Пелопоннеса и заняли их, посчитав, что Аттика не стоит хлопот, связанных с завоеванием. В противоположность спартанцам, афиняне утверждали, что выросли на своей же почве и жили на одной территории с начала времен. Таким образом, у них не было нужды бороться с бременем угнетенных, чужеродных и недовольных низших слоев.

Поскольку Афины объединили весь регион на довольно раннем этапе его истории, перед ними не стояла проблема стычек и войн с другими аттическими городами. Все они стали частью афинского города-государства, и все их свободные коренные жители были афинскими гражданами на равных основаниях. Отсутствием серьезного давления – как изнутри, так и снаружи – могут объясняться сравнительно безбедная и ненасильственная ранняя история Афин и установление в них в V в. до н. э. первой демократии в мировой истории.

Сила и процветание афинской демократии опирались прежде всего на лидерство могущественной морской империи, сосредоточенной в приморских городах и на островах Эгейского моря. Она зародилась как объединение «афинян и их союзников», которое современные исследователи именуют Делосским союзом, – это был добровольный альянс греческих полисов, призвавших Афины сыграть руководя-

щую роль в продолжении освободительно-мстительной войны против Персии. Постепенно союз превратился в империю под управлением Афин, функционировавшую преимущественно на их благо (карта 2). С годами почти все члены союза отказались от своих флотов, предпочитая делать денежные взносы в общую казну. Афиняне использовали эти средства, чтобы расширять собственный флот, а также платить гребцам, чтобы те работали веслами по восемь месяцев в году, так что в конечном счете Афины обладали крупнейшим и лучшим флотом во всей Греции. К началу Пелопоннесской войны из всех 150 членов союза лишь два острова, Лесбос и Хиос, имели свои флотилии и относительную автономию. Однако даже они едва ли могли ослушаться приказов Афин.

Афиняне получали огромные прибыли от своих имперских владений и использовали их для собственных нужд, в особенности для масштабной строительной программы, украсившей и прославившей их город и обеспечившей работой его жителей, а также для накопления большого резервного фонда. Военный флот защищал корабли афинских купцов, успешно торговавших по всему Средиземноморью и за его пределами. Он также гарантировал афинянам доступ к пшеничным полям на территории современной Украины и к рыбе Черного моря, благодаря чему они могли пополнять недостаточные домашние запасы и – с помощью денег союза – даже полностью замещать их при необходимости оставить свои поля в ходе войны. Как только афиняне достроили стены вокруг города и вдобавок соединили их Длинными стенами с укрепленным портом Пирей (что было сделано в середине века), они стали практически неуязвимы.

В Афинах народное собрание принимало все решения, касающиеся внутренней и внешней политики, войны и мира. Совет пятисот, по жребию избиравшийся из афинских граждан, готовил законы для рассмотрения на собрании, но был полностью подчинен более крупному органу. Народное собрание созывалось не реже сорока раз в год под открытым небом на холме Пникс за Акрополем с видом на Агору, торговую площадь и центр гражданской жизни. Всем гражданам мужского пола было разрешено участвовать, голосовать,

выдвигать предложения и дебатировать. На момент начала войны около 40 000 афинян имели такое право, однако число участников редко превышало 6000. Таким образом, стратегические решения обсуждались в присутствии тысяч людей, и требовалось, чтобы большинство из них утвердили конкретные детали каждой военной акции. Народное собрание голосовало по поводу каждой экспедиции, числа и характерных особенностей кораблей и людей, количества средств, которые надлежало потратить, того, какие командиры будут управлять войсками и какие в точности инструкции им следует дать.

Самыми важными в Афинском государстве, теми немногими, что вместо жребия подразумевали выборы, были должности десяти стратегов. Поскольку стратеги командовали подразделениями афинской армии и флотилиями кораблей в боях, им необходимо было быть военными; а поскольку избирались они всего на один год и могли переизбираться неограниченное число раз, им также необходимо было быть политиками. Вводить военную дисциплину этим лидерам позволялось только в военных походах, но не в городе. По меньшей мере десять раз в год они должны были принимать официальный доклад о любой жалобе относительно их действий на посту, а к концу службы представляли полный отчет о своем руководстве – военный и финансовый. Если против них выдвигались обвинения, они подвергались суду, а если вина подтверждалась – суровому наказанию.

Вместе десять стратегов не составляли никакого кабинета или правительства – роль последнего играло народное собрание. Иногда, однако, выдающийся стратег мог обладать столь обширной политической поддержкой и влиянием, что становился лидером афинян – если не де-юре, то де-факто. Таковым был Кимон с 479 по 462 г. до н. э., когда его, по всей видимости, из года в год избирали стратегом и он командовал всеми важными экспедициями и убеждал афинское народное собрание поддерживать его внутреннюю и внешнюю политику. После ухода Кимона того же успеха – и даже на более длительный период – достиг Перикл.

Фукидид вводит его в свою историю так: «Перикл, сын Ксантиппа, в то время – первый человек в Афинах, одинаково выдающийся как оратор и как государственный деятель»⁶ (I.139.4). Читатели Фукидида знали гораздо больше о самом знаменитом и блистательном человеке, когда-либо возглавлявшем афинскую демократию. Он был аристократом самых что ни на есть голубых кровей, сыном победоносного полководца и героя Персидской войны. Среди его предков по материнской линии была племянница Клизфена, основоположника афинской демократии. Однако семейная традиция тяготела к народу, и Перикл уже в начале своей карьеры стал заметной фигурой в демократическом блоке. Примерно в возрасте тридцати пяти лет он стал лидером этой политической группы – это была неофициальная,

⁶ Перевод Г. А. Стратановского.

но влиятельная позиция, которую он занимал до конца своей жизни.

На этой позиции он проявил необыкновенные способности к общению и мышлению. Он был главным оратором своего времени, чьи речи убеждали большинство поддержать его политику и чьи фразы звучали в памяти афинян десятилетиями, сохранившись и тысячи лет спустя. Редко кто из политических лидеров имел своим преимуществом столь серьезную интеллектуальную подготовку, связи и вкусы. С юности Перикл отождествлял себя с просвещением, преобразовавшим Афины, что вызывало восхищение у одних и недоверие у других. Говорили, что его учитель Анаксагор повлиял на манеру и стиль речи Перикла. Обучение дало Периклу «высокий образ мыслей и возвышенность речи, свободную от плоского, скверного фиглярства... серьезное выражение лица, недоступное смеху; спокойная походка, скромность в манере носить одежду, не нарушаемая ни при каком аффекте во время речи, ровный голос и тому подобные свойства Перикла производили на всех удивительно сильное впечатление»⁷ (Плутарх, *Сравнительные жизнеописания. Перикл* 5).

Эти качества сделали его привлекательным для высших слоев, в то время как его демократическая политика и прочие риторические навыки принесли ему поддержку масс. Его неординарный характер помог ему выигрывать выборы

⁷ Перевод С. И. Соболевского.

за выборами на протяжении трех десятилетий и сделал его самым влиятельным политическим лидером в Афинах на пороге войны.

В течение этого периода он, по всей видимости, каждый год избирался стратегом. Однако важно отметить, что формально он никогда не обладал большими полномочиями, чем другие стратеги, и никогда не пытался изменить демократические устои. Он по-прежнему находился под тщательным наблюдением, предусмотренным законом, и нуждался в проведении голосования на открытом и неподконтрольном народном собрании для совершения каких-либо действий. Перикл не всегда добивался поддержки своих идей, а в некоторых случаях его враги убеждали собрание действовать против его воли. Тем не менее власть в Афинах накануне войны с большой точностью можно назвать демократической властью, возглавляемой первым гражданином. Однако было бы неправильно вслед за Фукидидом утверждать, что Афины времен Перикла, хотя и были демократическими на словах, на деле управлялись первым гражданином, — они всегда оставались демократическими во всех отношениях. Но во время кризиса, приведшего к войне, при выработке военной стратегии и на второй год боевых действий афиняне неизменно следовали советам своего великого лидера.

АФИНЫ ПРОТИВ СПАРТЫ

В первые годы существования Делосского союза афиняне, судя по всему, успешно продолжали борьбу с персами за свободу всех греков, в то время как спартанцы зачастую были втянуты в войны на Пелопоннесе. Соперничество между двумя городами росло в течение десятилетий после войны с персами, по мере того как Делосский союз приумножал успех, богатство и власть и постепенно начинал проявлять имперские амбиции. Сразу же по окончании войны спартанцы продемонстрировали свою подозрительность и неприязнь к афинянам, выступив против восстановления афинских стен после бегства персов. Афиняне решительно отвергли их предложение, спартанцы же не выдвинули никаких формальных претензий, «впрочем, втайне лакедемоняне очень досадовали» (I.92.1). В 475 г. до н. э. идея начать войну, чтобы уничтожить новый Афинский союз и захватить контроль над морем, была отклонена после жарких споров, однако антиафинская фракция в Спарте никогда не исчезала и приходила к власти, когда события благоприятствовали ее целям.

В 465 г. до н. э. афиняне осадили остров Фасос в северной части Эгейского моря (карта 3), где встретили ожесточенное сопротивление. Спартанцы втайне пообещали фасосцам поддержку в виде вторжения в Аттику и, как говорит

Фукидид, «уже готовились совершить вторжение» (I.101.2). Им помешало лишь жуткое землетрясение на Пелопоннесе, которое привело к крупному восстанию илотов. Афиняне, все еще формально связанные со спартанцами союзом греков против Персии 481 г. до н. э., пришли им на помощь. Но, не дав афинянам и шанса чего-то добиться, их одних из всех союзников Спарты попросили уйти на том сомнительном основании, что их помощь больше не требовалась. Фукидид сообщает истинный мотив: «Так как силой взять город оказалось невозможно, то лакедемоняне из опасения, что афиняне при их своевольной и неустойчивой политике могут, будучи к тому же иноплеменниками, при затянувшемся пребывании выступить против них вместе с мятежниками... отослали афинян обратно... Лишь после этого похода впервые обнаружились разногласия между лакедемонянами и афинянами» (I.102.3).

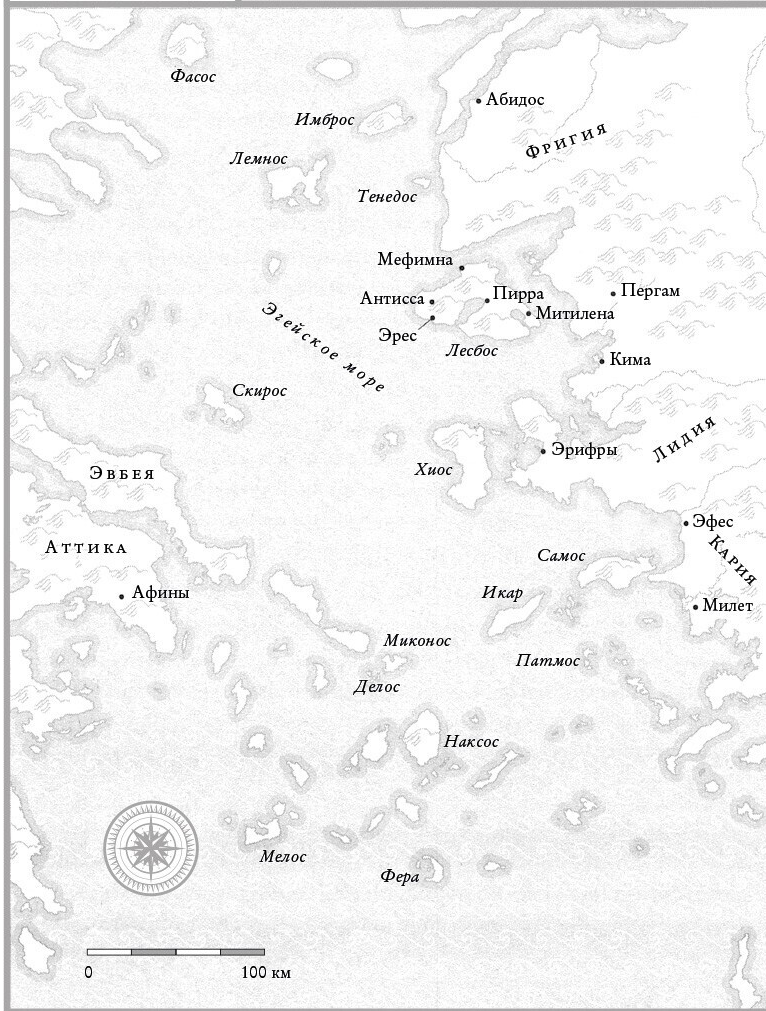
Этот инцидент, наглядно показавший подозрительность и враждебность многих спартанцев, вызвал политический переворот в Афинах и в конечном итоге дипломатический переворот в Греции. Оскорбительный отказ спартанцев от афинской армии привел к падению проспартанского режима Кимона. Теперь антиспартанская группа, выступавшая против отправки помощи на Пелопоннес, изгнала Кимона из Афин, вышла из союза со Спартой и заключила новый союз со старинным и злейшим врагом Спарты – Аргосом.

Когда осажденные илоты не могли больше держаться,

спартанцы разрешили им покинуть Пелопоннес в рамках перемирия при условии, что они никогда не вернутся. Афиняне поселили их единой группой в стратегически важном месте на северном берегу Коринфского залива, в городе Навпакте, который незадолго до того отошел к Афинам, и сделали это «из ненависти к лакедемонянам» (I.103.3).

3. ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

Затем два союзника Спарты – Коринф и Мегары – вступили в войну друг против друга из-за споров о границе между ними. В 459 г. до н. э. Мегары довольно скоро оказались в проигрышном положении, и, когда спартанцы решили не вмешиваться, мегарцы предложили в ответ на это выход из Пелопоннесского союза и присоединение к Афинам в обмен на помощь против Коринфа. Таким образом, разрыв между Афинами и Спартой привел к нестабильности в греческом мире. До тех пор, пока две державы-гегемона находились в хороших отношениях, каждая из них могла поступать со своими союзниками по своему усмотрению; недовольные члены каждого из союзов не имели средств для выражения своего недовольства. Однако теперь мятежные полисы могли искать поддержки у соперника своего лидера.

Мегары, расположенные у западной границы Афин, имели огромную стратегическую ценность (карта 4). Их западный порт, Паги, давал доступ к Коринфскому заливу, до которого иначе афиняне могли добраться только длинным и опасным путем, огибающим весь Пелопоннес. Нисея, восточный порт Мегар, находилась на берегу Саронического залива, откуда враг мог начать атаку на афинский порт. Еще важнее было то, что афинский контроль над горными перевалами Мегариды, возможный только при сотрудничестве с дружественными Мегарами, затруднил бы или даже сделал неосуществимым вторжение пелопоннесской армии

в Аттику. Поэтому союз с Мегарами сулил Афинам небывалые преимущества, но он также привел бы к войне с Коринфом и, вероятно, со Спартой и всем Пелопоннесским союзом. Тем не менее афиняне приняли Мегары в союз, и «именно с этого времени коринфяне и стали ожесточенными ненавистниками афинян» (I.103.4).

4. АТТИКА, МЕГАРЫ, БЕОТИЯ

Хотя спартанцы не принимали непосредственного участия в конфликте в течение нескольких лет, это событие дало начало Первой Пелопоннесской войне, как называют ее современные историки. Она продолжалась более пятнадцати лет, включая периоды перемирия и перерывы в военных действиях, и в то или иное время вовлекала афинян в сражения на территории от Египта до Сицилии. Она закончилась, когда мегарцы вышли из Афинского союза и вернулись в Пелопоннесский союз, открыв путь спартанскому царю Плистоанакту, который повел пелопоннесскую армию в Аттику. Решающее сражение казалось неизбежным, но в последний момент спартанцы повернули домой без боя. Древние авторы утверждают, что Перикл подкупил царя и его советника, чтобы отменить битву, и что спартанцы поначалу были разгневаны на командиров войска и сурово наказали обоих. Более вероятным объяснением является то, что Перикл предложил им приемлемые условия мира, так что военное столкновение стало излишним. И в самом деле, через несколько месяцев спартанцы и афиняне заключили договор.

ТРИДЦАТИЛЕТНИЙ МИР

Согласно положениям Тридцатилетнего мира, договора, вступившего в силу зимой 446/445 г. до н. э., афиняне соглашались сдать земли на Пелопоннесе, занятые ими в ходе

войны, а спартанцы, по сути дела, официально признавали Афинскую державу, что следует из ратификационных клятв, которые и Спарта, и Афины принесли от имени своих союзников. Ключевой пункт формально разделял греческий мир на две части, запрещая членам любого из союзов менять сторону, как это сделали Мегары, начав недавнюю войну. Однако те, кто поддерживал нейтралитет, могли присоединиться к любой из сторон – безобидное и разумное на первый взгляд, это условие принесет необычайно много хлопот в последующие годы. Другое положение обязывало обе стороны в дальнейшем передавать свои претензии третейскому суду. Это, по-видимому, первая в истории попытка поддержания прочного мира с помощью такого механизма, и она дает основания полагать, что обе стороны были всерьез настроены на избежание вооруженных конфликтов в будущем.

Не все мирные договоры одинаковы. Одни завершают военные действия, в которых одна из сторон уничтожена или начисто разбита, как, например, в последней войне между Римом и Карфагеном (149–146 гг. до н. э.). Другие налагают суровые требования на врага, который был побежден, но не уничтожен, как, например, мир, который Пруссия навязала Франции в 1871 г., или тот, к которому, согласно общепринятому мнению, победители склонили Германию в Версале в 1919 г. Договоры такого типа нередко закладывают семена будущей войны, потому что унижают и злят проигравшую сторону, но не лишают ее возможностей

для реванша. Договоры третьего типа, как правило, заканчивают длительный конфликт, в котором каждая сторона осознала цену и опасность затяжной войны и достоинства мира, независимо от того, выяснен ли на поле боя бесспорный победитель. Вестфальский мир 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне, и соглашение, которым Венский конгресс завершил Наполеоновские войны в 1815 г., – удачные примеры. Такой договор не ставит своей целью уничтожение или наказание, но ищет гарантий стабильности для невозобновления конфликта. Чтобы достичь этого, такой мир должен точно отражать реальную военную и политическую ситуацию и опираться на искреннее желание обеих сторон добиться успеха.

Тридцатилетний мир, заключенный в 446–445 гг. до н. э., относится к этой последней категории. В ходе длительной войны обе стороны понесли серьезные потери, и ни одна из них не смогла одержать решающей победы; морская держава не смогла закрепить свои успехи на суше, а сухопутная – подавить противника на море. Мирный договор был компромиссом, содержащим в себе основные элементы, которые должны были гарантировать его успех, ведь он точно отражал баланс сил между двумя соперниками и союзами, сформированными вокруг них. Признавая гегемонию Спарты на материке и Афин в Эгейском море, он признавал и принимал разделение на две части греческих земель и тем самым давал надежду на прочный мир.

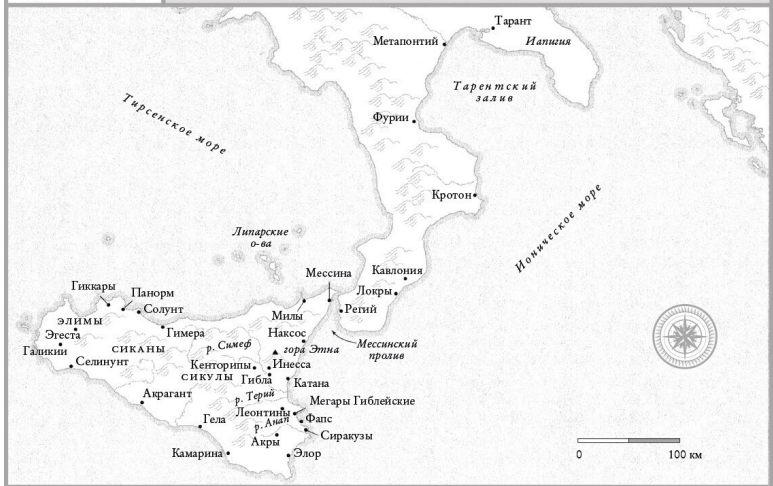
Однако, как и любой мирный договор, этот также содержал элементы потенциального разлада, и в каждом полисе были меньшинства, недовольные им. Некоторые афиняне выступали за расширение державы, а некоторые спартанцы возмущались дележом гегемонии с Афинами и были разочарованы тем, что не смогли добиться полной победы. Другие, включая ряд союзников Спарты, боялись территориальных амбиций афинян. Афиняне знали об этих подозрениях и, в свою очередь, опасались, что спартанцы и их союзники только и ждут благоприятного случая для возобновления войны. Коринфяне всё еще были злы на Афины за их покровительство мегарцам; в самих Мегарах теперь правили олигархи, которые расправились с афинским гарнизоном, чтобы заполучить контроль над своим городом: они стали ожесточенно враждовать с Афинами, как и афиняне с ними. Беотия, и особенно ее главный город, Фивы, также находилась под контролем олигархов, возмущенных тем, что афиняне установили на их земле демократический режим в ходе недавней войны.

Любой из этих факторов или все они разом могли в любой момент поставить мир под угрозу, но людей, принявших его, война утомила и сделала осторожными, и они намеревались сохранить его. Для этого каждой стороне необходимо было рассеять подозрения и укрепить доверие, обеспечить сохранение у власти друзей мира, а не их воинственных оппонентов и отслеживать всякую тенденцию своих союзников

к нарушению стабильности. Когда мир был ратифицирован, появилась причина верить, что все это возможно.

УГРОЗЫ МИРУ: ФУРИИ

Как это всегда бывает, непредвиденные события вскоре подвергли испытанию договор 445 г. до н. э. и его создателей. В 444–443 гг. до н. э. Спарта и Афины получили прошения от нескольких бывших граждан недавно восстановленной колонии Сибарис на юге Италии. Обескровленные ссорами и гражданскими войнами, сибариты обратились к материковой Греции за помощью в основании новой колонии у местечка под названием Фурии (карта 5). Спарта не была заинтересована в этом, но афиняне согласились помочь необычным способом. Они разослали по всей Греции гонцов с объявлением о поиске поселенцев для новой колонии; однако это должна была быть не афинская, а панэллинская колония. Это была совершенно новая идея, не имевшая прецедента в истории. Зачем Перикл и афиняне задумали такое?

Некоторые ученые считают, что афиняне были экспансионистами, не ставившими себе никаких ограничений, и рассматривают основание Фурий лишь как часть непрерывного имперского роста Афин как на западе, так и на востоке. Однако, кроме Фурий, афиняне не искали ни земель, ни союзников в годы между Тридцатилетним миром и кризисом, приведшим к Пелопоннесской войне, так что подтверждением этой теории должны быть сами Фурии. Но и в этом случае афиняне были лишь одним из десяти народов, населявших город, а с учетом того, что самую многочисленную группу составляли пелопоннесцы, Афины не могли надеяться получить над ним власть. Более того, ранняя история Фурий

показывает, что Афины никогда не собирались их контролировать. Как только Фурии были основаны, они вступили в войну с одной из немногих колоний Спарты, Тарентом. Фурии проиграли, и триумфаторы установили в Олимпии победный трофей и надпись, которую могли видеть все собравшиеся греки: «Тарентинцы поднесли Зевсу Олимпийскому десятую часть добычи, которую они отняли у фурийцев». Если бы афиняне хотели, чтобы Фурии стали центром афинской державы на западе, они должны были бы принять какие-то меры для их защиты, но они ничего не сделали, позволив спартанской колонии щеголять своим триумфом в самом людном месте Греции.

Спустя десятилетие, в разгар кризиса, повлекшего за собой войну, в Фуриях возник спор о том, чьей колонией они являются. Жрецы в Дельфах решили этот вопрос, объявив, что ее основателем был Аполлон, и тем самым подтвердили ее панэллинский статус. Несмотря на опровержение связи с Афинами, те снова ничего не предприняли, даже учитывая, что дельфийский Аполлон был дружелюбен к Спарте и колония могла принести пользу спартанцам в случае войны. Афиняне явно рассматривали Фурии как панэллинскую колонию и последовательно обращались с ней как с таковой.

Афиняне могли просто отказаться принимать участие в создании Фурий. Такое бездействие не привлекло бы особого внимания, но, наметив проект панэллинской колонии и расположив ее за пределами сферы влияния Афин, Перикл

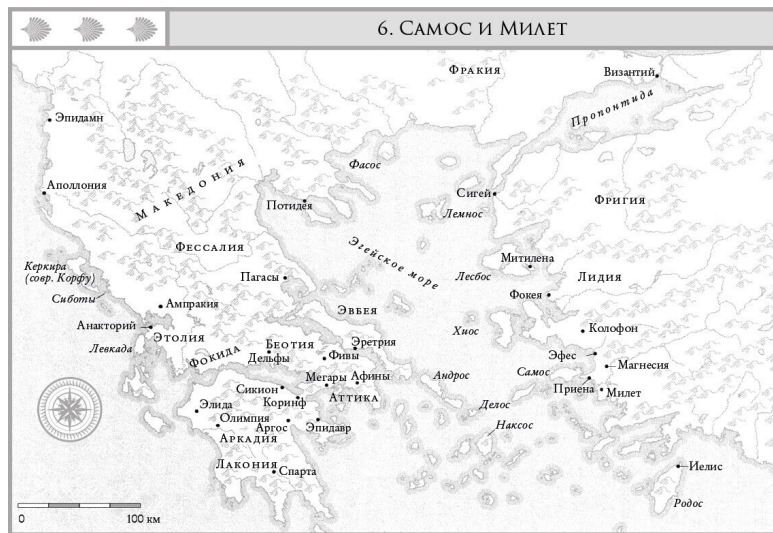
и афиняне могли послать дипломатический сигнал. Фурии стали бы вещественным доказательством того, что Афины, отказавшиеся от возможности основать собственную колонию, не имели имперских амбиций на западе и проводили политику мирного панэллинизма.

САМОССКОЕ ВОССТАНИЕ

Летом 440 г. до н. э. между Самосом и Милетом вспыхнула война за контроль над расположенным между ними городом Приеной (карта 6). Остров Самос был автономным, являлся одним из основателей Делосского союза и был самым могущественным из трех союзников, которые не вносили плату в казну и имели собственный флот. Милет также был одним из первых членов союза, но он дважды восставал, за что его подчинили, лишили флота, вынудили платить дань и принять демократический строй. Когда милетцы обратились за помощью, афиняне не могли остаться в стороне и позволить могущественному члену союза навязать свою волю беззащитному. Самосцы, однако, отказались от третейского суда со стороны афинян, которые, в свою очередь, не могли проигнорировать этот вызов их лидерству и авторитету. Перикл сам повел флот против Самоса, заменил правившую там олигархию демократическим правительством, требовал внушительную компенсацию убытков, взял заложников как гарант хорошего поведения и оставил афин-

ский гарнизон для охраны острова.

В ответ самосские лидеры перешли от неповиновения к перевороту, уговорив Писсуфна, персидского сатрапа в Малой Азии, помочь им в борьбе с Афинами. Он позволил им собрать армию наемников на своей территории и вызволил заложников с острова, где их держали афиняне, тем самым развязав мятежникам руки. Они разгромили демократическое правительство и отправили захваченный гарнизон и других афинских служащих к персидскому сатрапу.

После вестей о мятеже вспыхнуло восстание в Византии,

важном городе, расположенном в ключевой точке афинского маршрута для подвоза зерна к Черному морю. Митилена, главный город острова Лесбос и еще один автономный союзник с флотом, ждала только спартанской поддержки, чтобы присоединиться к мятежникам. Два фактора, которые позже принесут поражение Афинам в великой Пелопоннесской войне, теперь были налицо: раздор в державе и вмешательство Персии. Однако без участия спартанцев восстание было бы подавлено, а персы бы отступили. В свою очередь, на решение Спарты о том, участвовать ли в войне, наверняка повлиял Коринф, поскольку в случае войны с Афинами коринфяне были бы самым принципиальным союзником, который располагал флотом.

Реакция Спарты должна была стать оселком и для мирного договора, и для афинской политики после его заключения. Если бы эта политика, особенно на западе, показалась Спарте и Коринфу агрессивной и притязательной, то теперь было самое время напасть на Афины, пока их морские силы были заняты в других местах. Спартанцы созвали собрание Пелопоннесского союза, тем самым доказав, по крайней мере, что серьезно смотрят на дело. Позже коринфяне заявили Афинам, что вмешались в решение вопроса, сказав: «...мы не голосовали против вас после отпадения Самоса, когда мнения прочих пелопоннесцев разделились» (I.40.5). Было решено не нападать на Афины, которые могли подавить восстание самосцев и предотвратить всеобщий мятеж,

поддержанный Персией, за которым последовала бы война, способная уничтожить Афинскую державу.

Почему коринфяне, чья ненависть к Афинам длилась два десятилетия, коринфяне, которые больше других будут призывать к войне в период финального кризиса, вмешались, чтобы сохранить мир в 440 г. до н. э.? Наиболее правдоподобное объяснение заключается в том, что они поняли сигнал, поданный афинскими действиями в Фуриях, и, вероятно, были достаточно успокоены созданием панэллинской колонии и последующей сдержанностью Афин. Завершение самосского кризиса послужило укреплению перспектив мира. После заключения соглашения 446–445 гг. до н. э. обе стороны проявили самообладание и отказались от поиска выгод, которые могли бы поставить договор под угрозу. Взгляд на будущее был позитивным, когда стычка, возникшая в Эпидамне, создала новые и неожиданные проблемы.

ГЛАВА 2

ССОРА В ДАЛЕКОЙ СТРАНЕ

(436–433 ГГ. ДО Н.Э.)

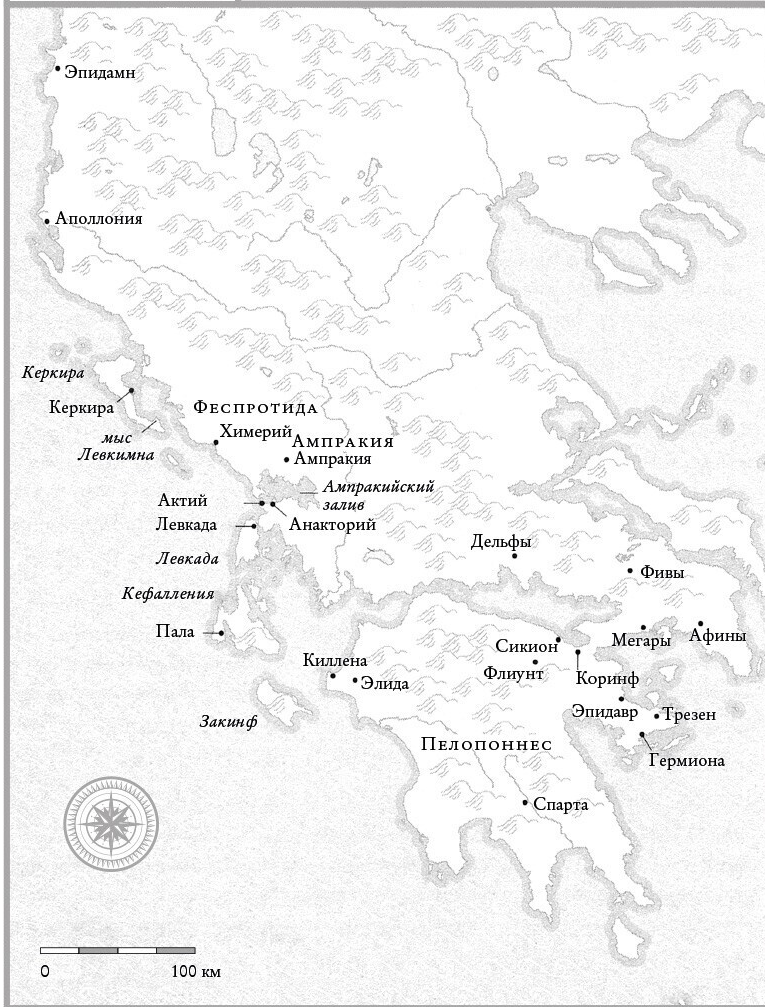
ЭПИДАМН

«Есть по правую руку при входе в Ионический залив город Эпидамн. В соседней области живут тавлантии – варвары иллирийского племени» (I.24.1; карта 7). Фукидид начинает свое повествование о событиях, которые привели к войне, с этого разъяснения, поскольку мало кто из его соотечественников-греков мог знать, где находится Эпидамн или хоть что-нибудь еще о нем. В 436 г. до н. э. гражданская война привела к изгнанию из Эпидамна партии аристократов, после чего те объединились с соседними племенами иллирийцев, которые не были греками, и напали на родной город. Находясь в осаде, демократы Эпидамна послали за помощью в Керкиру, так как именно керкиряне основали Эпидамн, а Керкира была первоначально основана коринфянами. Керкиряне, проводившие политику изоляции от братства коринфских колонистов, а также от других союзов, отказались. Тогда эпидамнские демократы обратились к Коринфу с предложением стать коринфской колонией в обмен

на помощь. По обычаю, Коринф предоставил Эпидамну основателя, когда этот город был основан дочерним городом Коринфа, Керкирой. Но отношения между Коринфом и Керкирой были чрезвычайно плохими. Эти два города веками конфликтовали и вели ряд войн, часто за контроль над какой-нибудь колонией, на которую оба претендовали.

7. ЭПИДАМН И КЕРКИРА

Коринфяне тем не менее с энтузиазмом приняли приглашение Эпидамна, прекрасно понимая, что их участие будет раздражать керкирян и, возможно, даже приведет к войне. Они отправили большой гарнизон для усиления позиций демократов в городе, сопровождаемый множеством поселенцев для восстановленной колонии, и эти силы шли более трудным путем по суше «из опасения, как бы керкиряне не помешали им переправиться морем» (I.26.2). Исследователям не удалось найти осязаемую, практическую, материальную причину того, почему Коринф решил вступить в схватку, но Фукидид в своем объяснении исходит из другого: коринфяне действовали главным образом из ненависти к своей дерзновенной колонии. «Керкиряне на всенародных празднествах не предоставляли коринфянам установленных обычаев почестей и не давали ни одному коринфянину (как это было принято в прочих колониях) права первенства при жертвоприношениях» (I.25.4).

Несомненно, решение коринфян также было частью продолжающегося соперничества за спорные колонии – формы имперской конкуренции, знакомой европейским государствам конца XIX в. Уже давно было ясно, что многие европейские империи являлись невыгодными с материальной точки зрения, а практические причины, приводившиеся как основания для колонизации, были скорее отговорками, чем убедительными доводами. Настоящие мотивы часто бы-

ли психологическими и иррациональными, а не экономическими и практическими, т. е. происходили из вопросов чести и престижа.

Так вышло и с коринфянами, которые были полны решимости выстроить сферу влияния на северо-западе греческих земель. Это привело их к конфликту с Керкирой, могущество которой росло, в то время как власть Коринфа ослабевала. Керкиряне приобрели флот из 120 военных кораблей, уступавший по размерам лишь афинскому, и в течение многих лет оспаривали гегемонию Коринфа в регионе. Публичные оскорбления, которым коринфяне подвергались во время празднований, должно быть, стали для них последней каплей, и они воспользовались предлогом, подвернувшимся им в виде призыва от эпидамнян.

Вмешательство Коринфа положило конец безразличию керкирян к событиям в Эпидамне, и их флот незамедлительно и дерзко выдвинул городу ультиматум: демократы должны вывести гарнизон и колонистов, присланных Коринфом, и вернуть изгнанных аристократов. Коринф не мог пойти на такие условия без позора, а демократы в Эпидамне не могли спокойно принять потерю своего подкрепления.

Самоуверенная надменность Керкиры зиждилась на ее актуальной морской мощи, в то время как у Коринфа не было ни одного военного корабля. Керкиряне отправили на осаду Эпидамна сорок кораблей, а аристократические изгнанники и их союзники из Иллирии обступили его на суше. Но убеж-

денность керкирян была ложной, ведь они проигнорировали тот факт, что Коринф был богат, зол, являлся союзником Спарты и членом Пелопоннесского союза. В прошлом коринфянам удавалось использовать эти связи в своих интересах, и они рассчитывали сделать это снова в борьбе против Керкиры.

Таким образом, Коринф объявил об основании совершенно новой колонии в Эпидамне и пригласил поселенцев со всей Греции, которые были отправлены туда в сопровождении тридцати коринфских кораблей и 3000 солдат. Дополнительные корабли и средства предоставили еще несколько городов, в том числе крупные полисы Мегары и Фивы, члены Пелопоннесского союза. Хотя даже символические силы спартанцев могли бы напугать керкирян, Спарта не оказала никакой помощи, возможно уже осознав опасность, которую таила в себе коринфская экспедиция.

Потрясенные таким ответом, керкиряне отправили в Коринф переговорщиков «вместе с послами лакедемонян и сикионян (которых они взяли с собой)» (I.28.1). Готовность спартанцев принять участие в переговорах ясно продемонстрировала их желание добиться мирного исхода. На переговорах керкиряне повторили свои требования о выводе коринфских войск; в противном случае Керкира была готова передать спор третейскому суду в любой приемлемый для обеих сторон пелопоннесский полис или, если так предпочтут коринфяне, дельфийскому оракулу. Керкиряне ис-

кренне стремились к урегулированию, прекрасно понимая, что недооценили скрытую силу Коринфа. У них также почти не было причин опасаться третейского суда, поскольку все предполагаемые участники процесса находились под влиянием Спарты и обязательно потребовали бы от коринфян вывода их войск и колонистов, а это те условия, которые полностью устроили бы керкирян. Однако, если бы коринфяне отказались и настояли на войне, Керкире пришлось бы просить помощи в других землях. Угроза была несомненной: при необходимости керкиряне искали бы союза с Афинами.

КОРИНФ

Незначительный инцидент в отдаленном уголке привел к кризису, который теперь угрожал стабильности всего греческого мира. Пока проблема касалась лишь Эпидамна и Керкиры, она оставалась исключительно локальной, поскольку ни тот ни другой не принадлежали ни к одному из двух межгосударственных союзов, доминировавших в Греции. Но когда в дело вмешался Коринф и начал вовлекать в него членов Пелопоннесского союза, чем сподвиг Керкиру обратиться за помощью к Афинам, стала возможна широкомасштабная война. Именно осознание этой опасности побудило спартанцев присоединиться к керкирским переговорщикам и оказать поддержку в урегулировании ссоры.

Однако коринфяне не сдали позиций. Поскольку катего-

рический отказ на виду у спартанцев был бы постыдным, они сделали встречное предложение: если керкиряне отведут свои корабли от Эпидамна, а иллирийцы отступят, коринфяне рассмотрят предложение Керкиры.

Этот замысел позволил бы коринфским войскам получить стратегическое преимущество в Эпидамне, укрепив свои позиции в городе, создав запасы провизии и приготовившись к осаде. Попытка коринфян, очевидно, была несерьезной, но керкиряне и здесь не прервали переговоры, а предложили взаимный отвод войск или перемирие на время ведения переговоров на месте. Коринфяне снова отказались, на этот раз объявив в ответ войну и отправив к Эпидамну флот из семидесяти пяти кораблей с 2000 пехотинцев. По пути они были перехвачены керкирским отрядом из восьмидесяти кораблей и потерпели сокрушительное поражение в битве при Левкимме. В тот же день Эпидамн сдался осаждавшим его керкирянам. Теперь Керкира властвовала на море и в спорном городе.

Горя желанием отомстить, коринфяне в течение следующих двух лет строили самый крупный в своей истории флот, нанимая опытных гребцов со всей Греции, включая города Афинской державы. Афиняне, по-прежнему стремившиеся не вмешиваться в конфликт, не возражали, что, возможно, укрепило веру коринфян в необоснованность заявлений керкирян о получении афинской помощи. В конце концов керкиряне отправили в Афины посольство, чтобы просить со-

юза против Коринфа, и тем самым раскрыли все карты. Когда коринфяне узнали об этой миссии, они тоже отправили послов в Афины, «опасаясь, что объединение морских сил афинян и керкирян не позволит закончить войну на желательных для коринфян условиях» (I.31.3). Первоначальный кризис, казавшийся маленьким облачком на голубом небе, не выходявший за пределы крайнего северо-запада, всего лишь один из многих в длинной череде ссор между колонистами из Керкиры и их коринфской метрополией, теперь грозил выйти на более опасный уровень, вовлекая по крайней мере одну из великих держав греческого мира.

ГЛАВА 3

ВСТУПАЮТ АФИНЫ

(433–432 ГГ. ДО Н.Э.)

В сентябре 433 г. до н. э. афинское народное собрание сошлось на холме Пникс, чтобы выслушать послов из Керкиры и Коринфа. Каждый довод был высказан, услышан и обсужден в присутствии всего собрания. Те же люди, которым предстояло сражаться на любой потенциальной войне, обсуждали вопросы и определяли своими голосами курс, который следует выбрать.

Перед керкирянами стояла сложная задача. Между ними и Афинами не было прежней дружбы, а конфликт затрагивал материальные интересы Афин. Зачем афинянам заключать договор, который втянет их в войну как минимум против Коринфа, а возможно, и против всего Пелопоннесского союза? Керкиряне отстаивали моральную справедливость своего дела и законность предложенного ими соглашения, ведь Тридцатилетний мир прямо разрешал союз с нейтральной стороной. Но, как и большинство людей, афинян больше волновали вопросы безопасности и выгоды – вопросы, в которых керкиряне были готовы их удовлетворить: «Мы обладаем сильнейшим после вашего флотом» (I.33.1–2), другими словами, силой, которую можно присоединить для укрепле-

ния афинского могущества.

Однако самым мощным из доводов керкирян было воззвание к страху. Они утверждали, что Афины нуждаются в объединении, потому что война между Афинами и Пелопоннесским союзом кажется теперь неизбежной: «Лакедемоняне стремятся к войне из страха перед вами... коринфяне – ваши враги, столь влиятельные у них» (I.33.3). Поэтому Афины должны были принять союз с Керкирой из вполне практических соображений: «У эллинов есть только три значительных флота: ваш, наш и коринфский. Если вы допустите объединение двух последних флотов и если коринфяне нас покорят, то вам придется потом одновременно сражаться на море с керкирянами и пелопоннесцами. Если же вы примете нас в союз, то сможете, усилив свой флот нашими кораблями, успешно вести войну с ними» (I.36.3).

Послу коринфян было еще сложнее представить дело. Все-таки Коринф был агрессором в Эпидамне и отверг все предложения о мирном решении, идя наперекор даже рекомендациям своих союзников. Самым веским аргументом коринфян было оспаривание законности афинского договора с Керкирой. Формально Тридцатилетний мир разрешал такой союз, поскольку Керкира не принадлежала ни к одному из блоков, но коринфяне утверждали, что он нарушает дух договора, как и здравый смысл: «Если договор гласит, что каждый город, не включенный в список союзников, может по желанию присоединиться к любому союзу, то этот

пункт договора не имеет в виду тех, кто вступает в союз во вред другому, а лишь тех, кто ищет защиты, не уклоняясь от своих обязательств» (I.40.2). Никто из ведущих переговоры или присягавших первоначальному соглашению не мог представить себе, чтобы одна сторона одобрила союз с нейтральной стороной, находящейся в состоянии войны с другой. Коринфяне подчеркнули этот тезис простой угрозой: «Если вы пойдете с ними, то нам, разумеется, предстоит неизбежно сражаться и с вами, и с ними» (I.40.3).

Затем коринфяне опровергли утверждение керкирян о неизбежности войны. Они также напомнили афинянам о прошлых заслугах, особенно о своих действиях во время Самосского восстания, когда они помогли отговорить Спарту и Пелопоннесский союз от нападения на Афины в момент их крайней уязвимости. Они полагали, что в тот раз утвердили ключевой принцип, определяющий отношения между двумя союзами, жизненно важный для поддержания мира: невмешательство каждой стороны в сферу влияния другой. «Не принимайте же в союз керкирян наперекор нам и не защищайте их бесчинств. Такое решение будет справедливо и наиболее выгодно для вас самих» (I.43.3–4).

Однако довод коринфян был не вполне логичным. В отличие от Самоса, который являлся союзником Афин, Керкира в союзе с Коринфом не состояла, и даже самое широкое толкование договора не помешало бы афинянам помочь нейтральной стороне, подвергшейся нападению Коринфа. При-

няв предложение Керкиры, Афины имели бы на это твердые законные основания. Но коринфяне были правы в более глубоком смысле: долгий мир невозможен, если одна из сторон решает содействовать нейтральным полисам в их войнах с другой стороной.

Поведение афинян с 445 г. до н. э. и на протяжении всего периода кризиса ясно показывает, что они хотели избежать войны, но Керкира представляла собой уникальную проблему. Ее поражение и выдача ее кораблей противнику привели бы к созданию пелопоннесского флота, достаточно сильного, чтобы посягнуть на афинское военно-морское превосходство, от которого зависело могущество, процветание и, более того, само выживание Афин и их державы. Хотя афинянам угрожало смертельное изменение баланса сил в результате одного почти мгновенного удара, коринфяне, похоже, были уверены, что Афины откажутся от союза с Керкирой и, как они имели смелость предположить, возможно, даже объединятся с коринфянами против Керкиры. Почему же коринфяне так просчитались? Для них Эпидамн был всего лишь локальным дельцем. Преследуя свои узкие интересы, разгоряченные давним раздражением и злобой на издевательства со стороны меньшего полиса, они недооценили значение своих действий для баланса сил в системе межгосударственных отношений. Они не предприняли никаких усилий, чтобы убедиться, что афиняне останутся в стороне, пока они будут вести войну на Керкире. Вместо этого они проигнори-

ровали опасность и бросились вперед, надеясь, что все сложится в их пользу.

Собравшиеся на склоне холма афиняне теперь стояли перед тяжелейшим выбором. Почти все дебаты на собрании закончились в течение одного дня, но спор о союзе с Керкирой длился так долго, что потребовалось второе заседание. В первый день мнения склонялись к тому, чтобы отвергнуть эту идею. Можно предположить, что в течение ночи шли бурные обсуждения, а на второй день возник новый план. Вместо обычных для греческого союза наступательных и оборонительных обязательств (симмахия) было предложено заключить только оборонительный союз (эпимахия) – первое подобное соглашение в истории Греции, о котором мы знаем. Велика вероятность того, что его автором был новатор Перикл. На протяжении всего кризиса он демонстрировал способность формировать афинскую политику, а Плутарх сообщает, что именно Перикл «уговорил народ послать помощь Керкире, которая подверглась нападению со стороны Коринфа, и присоединить к себе остров, сильный своим флотом» (*Перикл* 29.1).

Фукидид утверждает, что афиняне проголосовали за договор, потому что считали войну с пелопоннесцами неизбежной, однако многие из тех, кто выступил против, не могли согласиться с такой оценкой. Зачем, спрашивали они, идти на риск войны в союзе с Керкирой, если опасность для самих Афин все еще далека и сомнительна? Действия афинян

свидетельствуют о принятии политики, направленной скорее не на подготовку к войне, а на ее сдерживание. Это был промежуточный выбор из двух зол: отказать керкирянам, рискуя допустить отход их флота пелопоннесцам, или согласиться на наступательный союз, что, скорее всего, повлекло бы за собой нежелательный конфликт.

Таким образом, оборонительный союз был точно рассчитанным дипломатическим приемом, призванным привести коринфян в чувство. Для выполнения своих новых обязательств афиняне отправили на Керкиру эскадру из десяти боевых кораблей. Если бы они намеревались сражаться с коринфянами и победить их, то легко могли бы послать до 200 кораблей из своего солидного флота. Вместе с кораблями керкирян силы такого размера либо заставили бы коринфян свернуть свои военные планы, либо гарантировали бы безоговорочную победу, уничтожение вражеского флота и конец любым угрозам со стороны Коринфа. Поэтому небольшое число реально отправленного контингента имело скорее символический, чем военный смысл и было призвано показать, что Афины всерьез обязались сдерживать коринфян. Назначение Лакедемония, сына Кимона, в качестве одного из флотоводцев также не было случайным, поскольку явно имело целью рассеять подозрения спартанцев относительно его миссии. Он был выдающимся кавалеристом, но мы ничего не знаем о его военно-морском опыте. Само его имя, которое означает «спартанец», свидетельствует о тесных свя-

зях его отца с лидерами Пелопоннесского союза.

Куда более поразительными были указания, полученные афинскими командирами. Им не позволялось сражаться, пока коринфский флот не пойдет против самой Керкиры или одного из ее владений с намерением высадиться на берег. «Эти указания были даны, чтобы не нарушать мирного договора» (I.45.2). Такие директивы – кошмар для любого морского офицера. Как можно быть уверенным в намерениях противника в ближнем бою? Осторожность и выдержка воспрепятствуют своевременному вмешательству; скорая реакция на то, что может оказаться отвлекающим или неправильно понятым маневром, приведет к ненужному сражению.

Говоря современным языком, это была политика «минимального сдерживания». Присутствие афинской флотилии демонстрировало решимость Афин в сохранении баланса сил на море; ее небольшой размер показывал, что афиняне не собираются ослаблять или уничтожать потенциал Коринфа. Если бы план сработал, коринфяне просто отошли бы домой и кризис миновал бы. В случае же, если бы коринфяне все-таки решили сражаться, афиняне могли бы рассчитывать на то, чтобы остаться в стороне от битвы. Возможно, керкиряне сумели бы победить без помощи афинян, как это было при Левкимме. Некоторые афиняне также надеялись «по возможности перессорить их между собой для того, чтобы в войне с Коринфом или с другой морской державой

во всяком случае иметь дело с уже ослабленным противником» (I.44.2). В любом случае афиняне имели возможность избежать любого вовлечения в боевые действия.

БИТВА ПРИ СИБОТСКИХ ОСТРОВАХ

Когда коринфский и керкирский флоты наконец встретились в битве при Сиботских островах в сентябре 433 г. до н. э., небольшая афинская эскадра не сдержала коринфян, как это мог бы сделать более многочисленный контингент. Есть существенная разница между убеждением, что некоторые действия, быть может, обернутся неприятностями когда-то в будущем, и зримым присутствием подавляющих сил, сулящих немедленное уничтожение. Восемь городов-союзников оказали помощь Коринфу в предыдущей битве при Левкимме; только два, Элида и Мегары, присоединились к нему при Сиботах (карта 8). Остальных могло отпугнуть предыдущее поражение Коринфа или же новый союз Керкиры с Афинами. Возможно также, что Спарта предприняла шаги, чтобы убедить своих союзников не ввязываться в конфликт. Имея 150 кораблей – 90 собственных и еще 60 предоставленных колониями и союзниками, коринфяне атаковали 110 керкирских судов, афиняне же не вмешались.

Вскоре, однако, стало очевидно, что керкиряне разбиты, и афиняне больше не могли оставаться в стороне: «...все уже

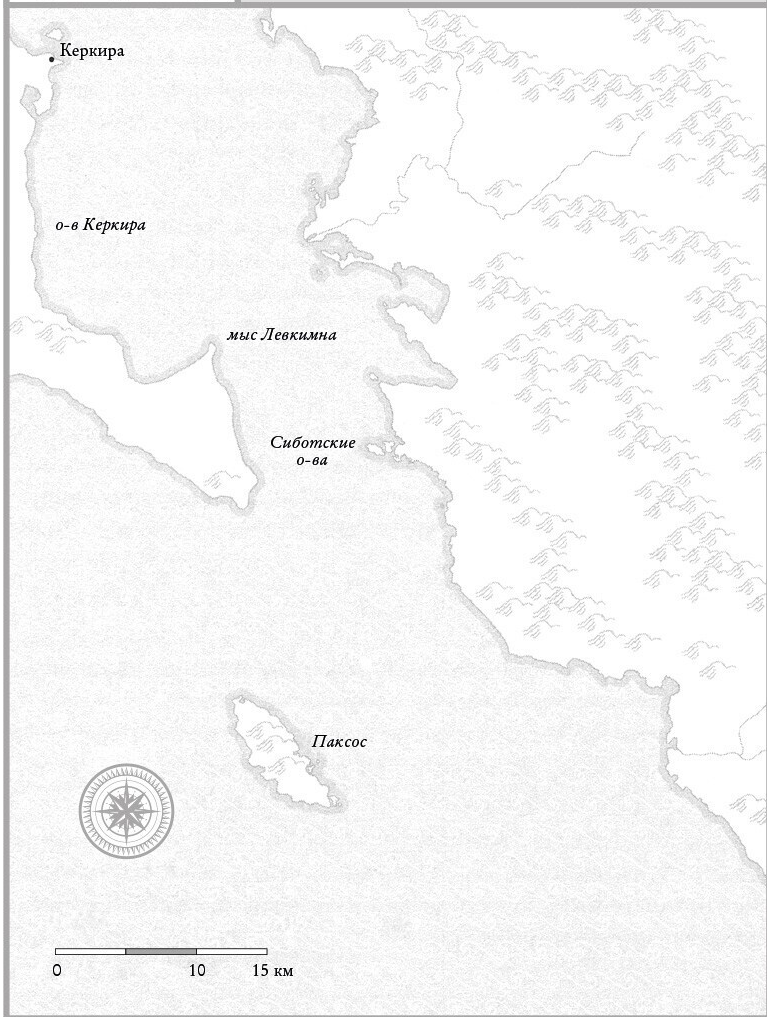
без разбора ринулись в бой, и в пылу сражения афиняне сошлись с коринфянами врукопашную» (I.49.7).

Когда керкиряне и афиняне приготовились защищать Керкиру, коринфяне, уже развертывавшие свою финальную атаку, внезапно отступили. На горизонте неожиданно показалась еще одна афинская флотилия. В пылу сражения коринфянам было легко поверить, что эти корабли составляют часть гигантской армады, которая значительно превосходит их числом и сокрушит их, поэтому они прервали бой, и Керкира была спасена.

На самом деле коринфяне видели лишь резерв из двадцати афинских кораблей, отправленный всего несколькими днями ранее для усиления первоначального контингента. После отплытия первых десяти кораблей, рассказывает Плутарх, противники Перикла раскритиковали его план: «... говорили, что он оказал мало помощи керкирянам, нуждавшимся в ней, но зато дал своим противникам веский довод для обвинений» (*Перикл* 29.3). Лучшее, чего можно было добиться при такой тактике, – это неудовлетворительный компромисс. Но боги войны капризны, и смелость часто приносит бóльшие результаты, чем способен предсказать разум. Кто бы мог подумать, что двадцать кораблей эскадры подкрепления после нескольких дней в море и безо всяких средств связи с силами у Керкиры придут в тот самый момент, когда обстоятельства позволят им спасти остров от коринфского завоевания?

8. БИТВА ПРИ СИБОТСКИХ ОСТРОВАХ

На следующий день, ободренные присутствием тридцати целых и невредимых афинских кораблей, керкиряне предложили сражение, но коринфяне отказались, опасаясь, что афиняне могли расценить стычку первого дня как начало войны против Коринфа и теперь воспользуются шансом уничтожить коринфский флот. Афиняне, однако, позволили им уплыть, и каждая из сторон тщательно уклонялась от ответственности за нарушение договора. С одной стороны, Коринф понимал, что не сумеет выиграть войну с Афинами, не заручившись поддержкой Спарты и ее союзников. Но поскольку спартанцы уже пытались усмирить Коринф, коринфяне не могли рассчитывать на их помощь, если из-за нее можно было бы обвинить спартанцев в нарушении договора. С другой стороны, афиняне старались не давать Спарте повода для ссоры.

В оперативном плане усилия афинян увенчались успехом: Керкира и их флот были спасены. Но политика «минимального сдерживания» оказалась стратегической неудачей, так как прибытие афинян не удержало коринфян от битвы. Разочарованные и еще более злые, они были полны решимости вовлечь в войну спартанцев и их союзников, чтобы достичь собственных целей и отомстить своим врагам.

ПОТИДЕЯ

Теперь афиняне понимали, что готовиться к войне необходимо – по крайней мере, против Коринфа, при этом они по-прежнему пытались избежать втягивания Пелопоннесского союза. Еще до битвы при Сиботах афиняне прервали свою грандиозную строительную программу, чтобы сохранить финансы на случай начала военных действий. После Сибот они занялись укреплением своих позиций в северо-западной Греции, Италии и Сицилии, а следующей зимой послали ультиматум в Потидею, город на севере Эгейского моря (карта 9). Потидея входила в Афинский морской союз и в то же время являлась колонией Коринфа, необычайно близкой к городу-основателю. Зная, что коринфяне планируют отомстить, афиняне опасались, что они могут объединиться с враждебным царем соседней Македонии и поднять восстание в Потидее. Оттуда оно могло перекинуться на другие полисы и вызвать серьезные проблемы в державе.

Без каких-либо дополнительных провокаций афиняне приказали потидейцам снести стены, защищавшие их со стороны моря, выслать чиновников, которых ежегодно присылали из Коринфа, и доставить в Афины несколько заложников. Целью этого было вывести город из-под влияния Коринфа, чтобы он оказался во власти Афин. Вновь афинскую стратегию следует понимать как дипломатический ответ на назревающую проблему, промежуточный выбор из нежелательных крайностей. Бездействие могло привести к восстанию, в то время как отправка военных сил для установления физического контроля над Потидеей сде-

лала бы город неопасным для Афин, но имела шанс работать как провокация. Ультиматум же стал мощным сигналом для потенциальных мятежников в Потидее, оставаясь при этом вопросом державного регулирования, четко дозволенного Тридцатилетним миром.

Неудивительно, что потидейцы выступили против таких требований, и дискуссии продолжались всю зиму, пока в конечном счете афиняне не приказали командиру экспедиции, которую они ранее отправили в Македонию, «взять в Потидее заложников, заставить скрыть городскую стену и зорко следить за соседними городами, чтобы те не восстали» (I.57.6). Подозрения афинян подтвердились: поддержанные коринфянами, потидейцы уже тайно обратились к Спарте с просьбой помочь им в восстании. В ответ на это спартанские эфоры пообещали вторгнуться в Аттику, если потидейцы восстанут. Что стало причиной такого переворота в политике Спарты?

МЕГАРСКОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ⁸

В ту же зиму 433/432 г. до н. э. (в непосредственной хронологической близости от ультиматума Потидее, но до или после – неясно) афиняне приняли постановление, преграждавшее мегарцам путь в гавани Афинской державы и на

⁸ В историографии этот документ также известен как Мегарская псефизма (от др.-греч. ψήφισμα – «решение»). – *Прим. ред.*

афинскую Агору. Экономическое эмбарго порой используется в современном мире как орудие дипломатии, как средство принуждения, не требующее военных действий. Однако в Древнем мире мы не знаем ни одного более раннего случая применения эмбарго в мирное время.

Это, безусловно, было еще одним нововведением Перикла, поскольку современники винили в войне этот указ и лично Перикла как человека, издавшего его, но сам он упорно отстаивал постановление до конца, даже когда оно, казалось, стало единственным фактором войны и мира. Почему афинский лидер ввел эмбарго и почему он и большинство афинских граждан одобряли и придерживались его? Исследователи по-разному толкуют это решение: как акт экономического империализма; как механизм, служащий для преднамеренной провокации войны; как манифест о неповиновении Пелопоннесскому союзу; как попытку разозлить спартанцев, чтобы те нарушили договор; даже как первое мероприятие в рамках реальной войны. Официальное объяснение указа гласило, что его появление было вызвано мегарцами, которые возделывали священные земли, оспариваемые афинянами, незаконно вторгались на пограничные территории и укрывали беглых рабов.

Однако при внимательном рассмотрении современные теории не выдерживают критики, а претензии древних можно отбросить как простой предлог. Истинная цель мегарского указа заключалась в умеренном наращивании диплома-

тического давления, которое бы помогло предотвратить распространение войны на союзников Коринфа, наказав Мегары за их действия при Левкимме и Сиботах. Коринфяне могли добиться успеха лишь в том случае, если бы им удалось убедить других пелопоннесцев, в особенности Спарту, присоединиться к борьбе. Ранее Мегары не только досадили Афинам, но и бросили вызов спартамцам, послав помощь Коринфу при Левкимме и Сиботских островах, даже когда большинство союзников-пелопоннесцев высказались против. Со временем эти полисы могли бы примкнуть к коринфянам в очередной схватке с Афинами; если бы достаточное их число решилось на такой шаг, сами спартанцы могли бы остаться в стороне, лишь рискуя своим лидерством в союзе и собственной безопасностью.

И опять решение афинян следует рассматривать как срединный путь. Бездействие могло побудить Мегары и другие полисы помочь Коринфу. Нападение на город военными силами нарушило бы договор и втянуло бы Спарту в войну против Афин. Эмбарго, напротив, не ставило Мегары на колени и не причиняло им серьезного вреда. Оно должно было создать неудобства большинству мегарцев и нанести значительный ущерб тем, чье процветание зависело от торговли с Афинами и их державой, – некоторые из них, без сомнения, были членами олигархического совета, управлявшего городом. Наказание также могло убедить Мегары не ввязываться в будущие неприятности и послужить предупрежде-

нием для других торговых государств, что они не застрахованы от афинского возмездия даже в период официального мира.

Однако мегарское постановление не было лишено рисков. Мегарцы наверняка обратились бы с жалобами к спартам, которые, возможно, сочли бы себя обязанными прийти на помощь. Но спартанцы также легко могли отказаться, ведь постановление не нарушало договор, никак не затрагивающий торговые или экономические отношения. Кроме того, Перикл был близким другом Архидама, на тот момент единственного царя в Спарте (Плистоанакт был отправлен в изгнание в 445 г. до н. э.). Он знал, что Архидам выступает за мир, и мог рассчитывать, что спартанский лидер поймет его собственные мирные намерения и сдержанные цели постановления и, в свою очередь, поможет другим спартам понять их. Хотя Перикл был прав в своей оценке Архидама, он недооценил пыл некоторых спартанцев, пробужденный в них чередой событий, произошедших после заключения союза с Керкирой.

ГЛАВА 4

РЕШЕНИЯ О ВОЙНЕ

(432 Г. ДО Н.Э.)

СПАРТА ВЫБИРАЕТ ВОЙНУ

Обещание спартанских эфоров потидейцам вторгнуться в Аттику было тайным, оно не было одобрено спартанским народным собранием, и Спарта не сдержала его, когда весной 432 г. до н. э. потидейцы подняли мятеж. Ни царь, ни большинство соплеменников еще не были готовы к войне, но влиятельная фракция стремилась изменить их настрой.

Афинских войск, отправленных для предотвращения мятежа в Потидее, оказалось недостаточно, и прибыли они слишком поздно, чтобы принести пользу. Коринфяне не осмелились послать официальную экспедицию на помощь восставшим, что было бы формальным нарушением договора. Вместо этого они организовали корпус «добровольцев» под командованием коринфского стратега, который возглавил отряд из коринфян и наемников-пелопоннесцев. Афиняне тем временем заключили мир с Македонией, чтобы освободить свои силы, задействованные там, и использовать их против Потидеи, а также направили дополнительные под-

крепления из Афин. К лету 432 г. до н. э. крупный контингент воинов и кораблей окружил город и начал осаду, которая продолжалась более двух лет и стоила колоссальных денег.

После осады Потидеи и ожесточенного протеста мегарцев против афинского эмбарго коринфяне перестали быть единственной стороной, имеющей счеты с Афинами^[4]. Поэтому они призвали все полисы, имевшие какие-либо претензии к Афинам, оказать давление на спартанцев. Наконец, в июле 432 г. до н. э. эфоры созвали в Спарте народное собрание, объявив, что приглашают всякий союзный полис, недовольный Афинами, прибыть в Спарту и высказаться. Это был единственный известный случай, когда союзников пригласили выступить на спартанском народном собрании, а не на собрании Пелопоннесского союза. То, что спартанцы прибегли к этой необычной процедуре, показывает, сколь по-прежнему малым было летом 432 г. до н. э. их желание воевать.

Хотя из всех участников мегарцы были самыми обозленными, наибольший эффект произвели коринфяне. Они пытались убедить спартанцев в том, что их традиционная политика благоразумия и избежания войны губительна перед лицом растущей мощи Афин, и подчеркивали свои аргументы, проводя резкое различие между характерами двух народов.

Ведь они сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществить свои планы. Вы же, напротив, держитесь за старое, не признаете перемен,

и даже необходимых. Они отважны свыше сил, способны рисковать свыше меры благоразумия, не теряют надежды в опасностях. А вы всегда отстаєте от ваших возможностей, не доверяете надежным доводам рассудка и, попав в трудное положение, не усматриваете выхода. Они подвижны, вы – медлительны. Они странники, вы – домоседы. Они рассчитывают в отъезде что-то приобрести, вы же опасаетесь потерять и то, что у вас есть. Победив врага, они идут далеко вперед, а в случае поражения не падают духом. Жизни своей для родного города афиняне не щадят, а свои духовные силы отдают всецело на его защиту. Всякий неудавшийся замысел они рассматривают как потерю собственного достоинства, а каждое удачное предприятие для них – лишь первый шаг к новым, еще бóльшим успехам.

Если их постигнет какая-либо неудача, то они изменяют свои планы и намерстают потерю. Только для них одних надеяться достичь чего-нибудь значит уже обладать этим, потому что исполнение у них следует непосредственно за желанием. Вот почему они, проводя всю жизнь в трудах и опасностях, очень мало наслаждаются своим достоинством, так как желают еще большего. <...> ...Праздное бездействие столь же неприятно им, как самая утомительная работа. Одним словом, можно сказать, сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его (I.70.2–8).

Как это ни эффективно в полемике, характеристики обе-

их сторон в данном сравнении были преувеличены. Спартанцы никогда не смогли бы создать свой великий союз – союз, который привел греков к победе над персами, если бы были настолько неповоротливы, как их изобразили. Аналогичным образом Афины действовали в полном соответствии с буквой и духом Тридцатилетнего мира, что косвенно признали и сами коринфяне, сдержав своих союзников в период Самосского восстания. Настораживающее поведение Афин в течение предыдущего года, очевидно, было реакцией на недавние действия, инициированные Коринфом, – действия, о которых теперь коринфяне старались говорить как можно меньше.

Коринфяне завершили свое выступление угрозой: спартанцы обязаны прийти на помощь Потидее и другим своим союзникам и вторгнуться в Аттику, «чтобы не отдать ваших друзей и соплеменников в руки злейших врагов и не заставить нас остальных в отчаянии подумать о другом союзе» (I.71.4). Это была пустая угроза, ведь не было никакого другого союза, к которому коринфяне могли бы обратиться, но, поскольку безопасность Спарты и ее образ жизни зависели от целостности союза, даже гипотетическое отступничество вызывало тревогу.

Следующим выступающим был член афинского посольства, которое, по словам Фукидида, «случайно... уже перед тем прибыло... из Афин» (I.72.1). Мы не знаем, по какому делу оно прибыло, но кажется очевидным, что это был

просто предлог, позволявший Афинам изложить свою позицию. Перикл и афиняне не хотели посылать официально-го представителя на спартанское собрание для ответа на жалобы – этот жест уступил бы Спарте право судить о поведении афинян, а не обязал бы ее передать разногласия третейскому суду, как того требовал договор. Однако они хотели не дать Спарте уступить доводам своих союзников, доказать, что Афины получили свою власть законным путем, и продемонстрировать, что власть эта пугающе велика. Посол объяснял рост Афинской державы необходимостью, вызванной требованиями страха, чести и разумной корысти, которые спартанцы должны были хорошо понимать. Его тон был не примирительным, но деловым, а в заключение он настаивал на том, чтобы стороны придерживались строгой буквы договора: все споры следует передавать третейскому суду. Если же спартанцы откажутся, то «мы... последуем вашему примеру и попытаемся дать отпор с оружием в руках» (I.78.5).

Была ли эта речь намеренно провокационной, была ли она направлена на то, чтобы восстановить спартанцев против Афин, вынудить их нарушить свои клятвы и начать войну? Такая точка зрения предполагает, что единственный метод достижения мира состоит в попытках усмирить гнев, милостиво объяснить разногласия и пойти на уступки. Но иногда лучший способ предотвратить войну – это сдерживание, выраженное через силу, уверенность и решимость. Эта тактика

может быть особенно действенной, когда она оставляет другой стороне достойный путь отхода, как это было с положением о третейском суде, предусмотренным для спартанцев. Во всяком случае, в лучшем свидетельстве, оставшемся с тех времен, говорится, что война все же не была целью афинян: «Они желали дать лакедемонянам представление о мощи своего города, старикам напомнить о прошлом, а молодым рассказать о том, чего те еще не знали. Послы рассчитывали своей речью побудить лакедемонян скорее к миру, чем к войне» (I.72.1).

Стратегия афинян казалась особенно разумной с учетом того, что спартанские цари традиционно влияли на принятие решений о войне и мире; в 432 г. до н. э. единственным действующим царем в Спарте был Архидам, личный друг Перикла, «слывший благоразумным и рассудительным человеком» (I.79.2), который вскоре продемонстрировал свое неприятие вооруженного конфликта.

После выступления чужеземца все спартанцы удалились, чтобы посоветоваться между собой. Хотя собравшиеся были настроены враждебно и уверены, что Афины можно легко победить в короткой войне, царь Архидам утверждал обратное. Афинская мощь, настаивал он, превосходила ту, с которой привыкла сталкиваться Спарта, и была мощью совсем иного рода. Укрепленный город, опирающийся на морской союз, обладающий значительными финансовыми ресурсами и мощным флотом, способен был вести такую войну, какую

спартанцы никогда не вели. Архидам опасался, «как бы эта война не осталась в наследство нашим детям» (I.81.6).

Однако настроение народного собрания было столь противоречивым, что Архидам не мог прямо рекомендовать принять предложение афинян, поэтому он выступил с умеренной альтернативой: спартамцам следует ограничиться официальной претензией; в то же время они должны подготовиться к войне, с которой им действительно придется столкнуться в случае провала переговоров, путем поиска кораблей у варваров (в первую очередь у персов) и у других греков. Если афиняне уступят, то никаких шагов предпринимать не понадобится. Если нет, то у спартанцев будет достаточно времени для того, чтобы сразиться, уже будучи лучше подготовленными, через два или три года.

Неудивительно, что план царя не понравился коринфянам и другим ропщущим сторонам, а также тем в Спарте, кто жаждал действий. Даже маленький шанс спасти Потидею, по их мнению, требовал принятия стремительных мер. Коринфяне, в частности, желали не урегулировать претензии, а развязать себе руки, чтобы раз и навсегда сокрушить Керкиру; они также хотели отомстить афинянам и, более того, уничтожить Афинскую державу – с этой позицией были согласны и сторонники войны внутри Спарты. Вкупе с выборочным изложением истории последних пятидесяти лет случаи Керкиры, Потидеи и Мегар, казалось, подтверждали для большинства спартанцев представленную коринфянами

картину высокомерия афинян и опасности, которую представляло их растущее могущество.

Типичен был короткий и прямой ответ воинственного эфора Сфенелаида:

Долгие речи афинян мне непонятны: в самом деле, сначала они выступили с пространным самовосхвалением, а потом – ни слова в оправдание зла, причиненного нашим пелопоннесским союзникам. Если тогда в борьбе против мидян они показали свою доблесть, а теперь ведут себя с нами как враги, то вдвойне заслуживают кары за то, что из доблестных людей стали злыми. А мы и поныне остались теми же, что и тогда. Мы не оставим союзников и не будем медлить с помощью, так как и они ведь не могут отложить свои невзгоды. Пусть у других много денег, кораблей и коней, зато у нас – доблестные союзники, и их не следует выдавать афинянам. Третьейскими судами и речами нечего решать дело, так как враг грозит нам не речами, а оружием, и нужно как можно скорее и всей нашей военной силой помочь союзникам. И пусть никто не уверяет вас, что, несмотря на причиненные обиды, нам подобает еще долго совещаться и обсуждать дело. Нет! Подумать хорошенько следовало бы скорее тем, кто собирается нарушить договор. Поэтому, лакедемоняне, выносите решение о войне, как это и подобает Спарте. Не позволяйте афинянам слишком усилиться и не выдавайте им наших союзников. Итак, с помощью богов пойдем на обидчиков! (I.86.1–5).

Заявив, что он «не может разобрать, чей крик громче (ведь спартанцы выносят решение, голосуя криком, а не камешками)... [и] желая открытым голосованием вернее склонить спартанцев к войне» (I.87.2), эфор призвал спорящих разделиться на две группы и разойтись в стороны. Когда был произведен подсчет, оказалось, что подавляющее большинство проголосовало за то, чтобы афиняне нарушили мир; по сути, большинство проголосовало за войну.

Почему спартанцы решили вступить в длительный и тяжелый конфликт с беспрецедентно сильным противником, притом что они не столкнулись с непосредственной угрозой, не могли извлечь из войны никакой ощутимой выгоды и не были спровоцированы прямым вредом для себя? Что подорвало по обыкновению консервативное спартанское большинство, выступавшее за мир, во главе с благоразумным и уважаемым царем Архидамом? Фукидид считал, что спартанцы проголосовали за войну не потому, что их убедили доводы союзников, а «из страха перед растущим могуществом афинян, которые уже тогда подчинили себе большую часть Эллады» (I.88). Его общее объяснение причин войны было следующим: «Истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать» (I.23.6).

Однако факт остается фактом: за дюжину лет, прошедших с момента заключения мира до битвы у Сиботских ост-

ровов, могущество Афин не выросло, а внешняя политика Афин не была агрессивной, что признали даже коринфяне еще в 440 г. до н. э. Единственное увеличение афинской мощи произошло в результате союза с Керкирой в 433 г. до н. э., заключенного в ответ на инициативу коринфян, которую те предприняли вопреки совету спартанцев, и свидетельства ясно показывают: в том случае афиняне действовали вынужденно и оборонительно, стремясь лишь не допустить, чтобы коринфяне вызвали серьезные изменения в балансе сил.

Но людьми, переживающими кризис, также движет страх перед будущими угрозами. Так было и со спартанцами, которые встревожились, когда им показалось, что «Афины достигли явного преобладания и стали даже нападать на союзников лакедемонян»; «[лакедемоняне] сочли подобное положение недопустимым. Они решили теперь со всем усердием взяться за дело и по возможности сокрушить могущественного врага силой оружия» (I.118.2). Все три версии объяснения, приведенные Фукидидом, подтверждают предпринятый им анализ фундаментальных мотивов, управлявших отношениями между полисами: страх, честь и выгода. Глубочайший корыстный интерес спартанцев требовал от них сохранения целостности Пелопоннесского союза и собственного лидерства в нем. Их беспокоило, что растущие сила и влияние афинян позволят им и дальше досаждают союзникам Спарты, вплоть до того, что эти союзники покинут Пело-

поннесский союз, чтобы защитить себя, что приведет к распаду альянса и утрате Спартой гегемонии. Честь спартанцев, их самовосприятие зависели не только от признания этого лидерства, но и от сохранения их уникального политического устройства, безопасность которого в свою очередь зависела от тех же факторов. Поэтому спартанцы были готовы подвергнуть себя великому риску войны, чтобы сохранить союз, который они создали как раз для того, чтобы избежать рисков. Действовать так означало служить интересам своих союзников, даже если эти интересы угрожали их собственной безопасности. Это был не последний случай в истории, когда лидер альянса оказывался побуждаем младшими союзниками к проведению политики, которую он не избрал бы самостоятельно.

Вслед за решением народного собрания эфоры созвали на встречу союзников Спарты для официального голосования по вопросу о войне. Союзники собрались лишь в августе, и не все из них явились на встречу; предположительно, те, кто остался дома, не одобряли целей собрания. Из тех, кто присутствовал, большинство (хотя и не такое значительное большинство, как, по сообщению Фукидида, было на внутреннем спартанском собрании) проголосовало за войну. Таким образом, не все союзники пришли к выводу, что война неизбежна; не все они считали ее справедливой; не все они видели это предприятие легким или безусловно успешным; не все они полагали, что война необходима.

Спартанцы и их союзники могли бы начать вторжение сразу же и выполнить обещание, данное потидейцам, с опозданием всего на несколько месяцев. Подготовка ко вторжению такого рода была простой и заняла бы не более пары недель, а сентябрь и октябрь обеспечили бы благоприятную погоду либо для битвы, либо для разрушений, если бы афиняне отказались сражаться. Хотя урожай зерна в Афинах уже давно был собран, еще оставалось время, чтобы нанести значительный ущерб виноградным лозам и оливковым деревьям, а также крестьянским хозяйствам за пределами городских стен. Если бы афиняне жаждали битвы, как того ожидали спартанцы, сентябрьское вторжение дало бы им массу стимулов.

Однако спартанцы и их союзники не предпринимали никаких военных действий почти год. За это время спартанцы отправили в Афины три посольства, из которых по крайней мере одно, похоже, было искренней попыткой избежать войны. Длительная задержка перед началом боевых действий и продолжающиеся попытки переговоров позволяют предположить, что, после того как эмоции от дебатов улеглись, осторожные и трезвые доводы Архидама возымели эффект и вернули настрой спартанцев к привычному для них консерватизму. Возможно, войну еще можно было предотвратить.

РЕШЕНИЕ АФИНЯН О ВОЙНЕ

Первое спартанское посольство в Афины, вероятно, состоялось в конце августа; оно потребовало от афинян «очистить город от осквернения, причиненного храму Богини» (I.126.2–3), ссылаясь на акт святотатства, совершенный двумя веками ранее членом семьи матери Перикла, с чем у многих ассоциировался сам Перикл. Спартанцы надеялись, что в результате этого инцидента он будет обвинен во всех бедах Афин и дискредитирован, поскольку он «был в то время самым влиятельным человеком и, пока стоял во главе государства, всегда был врагом лакедемонян. Он не только не допускал уступчивость, но, напротив, побуждал афинян к войне» (I.127.3). Перикл действительно всегда выступал против уступок, не предписанных третейским судом; как только спартанцы и их союзники проголосовали за войну, он отверг дальнейшие переговоры как тактическую уловку, призванную подорвать решимость афинян.

Перикл подготовил ответ Афин, который, в свою очередь, требовал, чтобы спартанцы искупили не одно, а два давних религиозных кощунства и изгнали виновных. Первое заключалось в убийстве илотов, укрывшихся в храме, и упор здесь делался на то, что спартанцы, готовые воевать под лозунгом «Свободу грекам!», деспотично господствовали над огромным числом греков на своей собственной земле. В качестве

второго вспоминались деяния спартанского царя, тиранившего своих соотечественников-греков, а затем предательски перешедшего на сторону персов.

Спартанцы отправляли других послов с различными требованиями, но в конце концов остановились на одном. «Прежде всего и совершенно определенно лакедемоняне заявляли, что войны не будет, если афиняне отменят постановление о мегарцах» (I.139.1). Этот отход от своей прежней позиции явно указывает на изменение политического климата в Спарте после голосования за войну. Плутарх сообщает, что Архидам «старался решить большую часть жалоб мирным путем и успокаивал союзников» (*Перикл* 29.5), но ни царь, ни его оппоненты не были тверды в своем решении. Архидам, по-видимому, был достаточно силен, чтобы инспирировать продолжение переговоров, но его противники все еще могли требовать послаблений без участия третейского суда. Поэтому компромиссный вариант по-прежнему отвергал передачу спора в третейский суд, но сокращал перечень требований до одного.

Эта уступка была равносильна предательству интересов Коринфа, и, поддержав мегарцев без третейского суда, спартанцы продемонстрировали свою силу и надежность в качестве лидеров альянса, при этом изолировав Коринф. Если бы в тех условиях коринфяне пригрозили выходом из союза, Архидам и большинство спартанцев были бы готовы дать им такую возможность. С некоторым риском для себя спартан-

цы приложили серьезные усилия, чтобы избежать войны; теперь решение оставалось за Афинами.

Предложение спартанцев убедило многих афинян, сомневавшихся в разумности решения о вступлении полиса в войну только из-за мегарского указа, который изначально был все же лишь тактическим маневром и сам по себе, конечно, не стоил того, чтобы из-за него воевать. Но Перикл оставался непреклонен, настаивая на третейском суде, предусмотренном договором, хотя и не мог игнорировать давление тех, кто ждал ответа. Это вылилось в постановление с официальными обвинениями в событиях, якобы спровоцировавших эмбарго; оно было направлено в Мегары и Спарту в защиту афинских действий. «Это постановление составлено Периклом; оно имело целью справедливое и мягкое решение спора», – говорит Плутарх (*Перикл* 30.3). Перикл объяснил свой отказ отменить эмбарго ссылкой на неясный афинский закон, запрещавший ему снимать табличку, на которой был начертан указ. Спартанцы возразили: «А ты не уничтожай доску, а только переверни ее: ведь нет закона, запрещающего это» (*Перикл* 30.1–3), но Перикл держался твердо, и большинство было с ним.

Наконец спартанцы прислали ультиматум: «Лакедемоняне желают мира, и мир будет, если вы признаете независимость эллинов» (I.139.3). Это было равносильно требованию роспуска Афинской державы, и Перикл предпочел бы, чтобы спор в афинском народном собрании сосредоточил-

ся на этом явно неприемлемом предписании, но его оппонентам удалось определить условия дебатов. «Тогда афиняне созвали по этому вопросу народное собрание, и было решено, обсудив все обстоятельства, дать лакедемонянам окончательный ответ. Мнения многочисленных ораторов, выступавших на собрании, разделились: одни были за войну, между тем как другие считали, что мегарское постановление не должно быть помехой миру и его следует отменить» (I.139.3–4).

Защита Периклом своей политики, публично опиравшаяся на нечто такое, что может показаться юридической формальностью, на самом деле имела гораздо более фундаментальное основание. Спартанцы последовательно отказывались подчиниться третейскому суду, как того требовал договор, и вместо этого пытались добиться своего угрозами или силой. «Они предпочитали решать споры силой оружия, нежели путем переговоров. И вот ныне они выступают уже не с жалобами, как прежде, а с повелениями. <...> Если же вы решительно отвергнете их требования, то ясно докажете, что с вами следует обращаться как с равными» (I.140.3, 6). Перикл был готов уступить по любому конкретному вопросу; если бы спартанцы обратились в третейский суд, он был бы вынужден согласиться с его решением. Однако он не мог смириться с прямым вмешательством спартанцев в дела Афинской державы в Потидее и на Эгине или в афинскую торговую и державную политику, пред-

ставленную в мегарском постановлении. Эта уступка фактически означала бы, что гегемония Афин в Эгейском море и их контроль над собственным государством невозможны без разрешения спартанцев. Если бы афиняне поддались нынешним угрозам, они отказались бы от своих претензий на равенство и стали бы объектом шантажа в будущем. Перикл отчетливо сформулировал эту опасность в своей речи к народному собранию:

Не думайте, что война начнется из-за мелочей, если мы не отменим мегарского постановления. Именно это они чаще всего и выставляют доводом и постоянно твердят: отмените мегарское постановление, и войны не будет. Пусть нас не тревожит мысль, что вы начали войну из-за пустяков. Ведь эти пустяки предоставляют вам удобный случай проявить и испытать вашу силу и решимость. Если вы уступите лакедемонянам в этом пункте, то они тотчас же потребуют новых, еще бóльших уступок, полагая, что вы и на этот раз также уступите из страха (I.140.5–6).

Многим спартанцам, да и некоторым афинянам, наверное, было трудно понять, почему это пустячное постановление заслуживает боевых действий. Оправдана ли была позиция Афин? Рассматриваемые претензии на самом деле были важны лишь постольку, поскольку они относились к ссоре между Афинами и Спартой; единственное неоспоримое требование Спарты не содержало ничего существенно-го или стратегически значимого. Если бы афиняне отозвали

мегарское постановление, кризис, вероятно, был бы предотвращен, а впоследствии ряд обстоятельств мог бы способствовать поддержанию мира. Предательство Спарты в отношении Коринфа, несомненно, привело бы к охлаждению между этими двумя полисами и, возможно, даже к разрыву, достаточно серьезному для того, чтобы отвлечь спартанцев от конфликта с Афинами. На Пелопоннесе могли также возникнуть и другие проблемы, как это уже случалось в прошлом. Чем дольше сохранялся мир, тем больше было шансов, что все примирится со сложившимся статус-кво.

В то же время одна из спартанских фракций, существовавшая по меньшей мере полвека, оставалась ревнивой и подозрительной по отношению к афинянам и неумолимо враждебной к их державе. Сговорчивость Афин могла бы на некоторое время успокоить страхи большинства спартанцев, но враги Афин не перестали бы выполнять роль подрывных сил. Уступка в 431 г. до н. э. могла лишь поощрить еще большую неуступчивость спартанцев и сделать войну еще более вероятной.

Эти соображения были главными для Перикла, но его решение также зависело от стратегии, которую он избрал для ведения войны. Стратегия – это не просто дело военного планирования, как, например, тактика. Народы и их лидеры обращаются к войне для достижения своих целей, когда другие средства не помогают, и формулируют стратегию, которая, по их мнению, позволит достичь этих целей силой

оружия. Однако до начала войны различные стратегии могут иметь разное влияние на принятие как раз тех решений, которые приведут к войне или позволят ее избежать. Во время кризиса 432–431 гг. до н. э. и Спарта, и Афины выбрали стратегии, которые невольно способствовали войне.

Привычная манера ведения боевых действий между греческими полисами заключалась в том, что одна фаланга вступала на вражескую территорию, где ее встречала фаланга противника. Две армии сталкивались, и в течение одного дня решался вопрос, из-за которого разгорелся конфликт. Поскольку силы Спарты значительно превосходили силы афинян, у спартанцев были все основания верить в победу, если афиняне вступят с ними в обычную схватку, а большинство спартанцев не сомневались, что так и будет. В случае же, если бы афиняне избрали другой план действий, спартанцы рассчитывали, что один, два, три года разорения афинской территории приведут либо к решающему сражению, которого они добивались, либо к капитуляции афинян. В начале войны спартанцы, как и остальные греки, были убеждены, что эта простая наступательная стратегия гарантирует быструю и решительную победу. Если бы они полагали, что им придется вести долгую, трудную, дорогостоящую войну с неопределенным исходом, в чем их пытались убедить афиняне и Архидам, они, возможно, действовали бы иначе.

Однако Перикл разработал новую стратегию, которая ста-

ла возможной благодаря уникальному характеру и масштабам афинского могущества. Флот афинян позволял им править державой, приносившей доход, с помощью которого они могли как поддерживать свое превосходство на море, так и обменивать и приобретать необходимые товары. Хотя земли и посевы Аттики были уязвимы для нападений, Перикл практически превратил сами Афины в остров, построив Длинные стены, которые соединили город с портом и военно-морской базой в Пирее. Учитывая состояние осадного дела в Греции тех лет, взять эти стены было невозможно, так что, если бы афиняне решили отойти за них, они могли бы оставаться там в безопасности и спартанцы не сумели бы ни подобраться к ним, ни победить их.

Стратегия Перикла, которую Афины применяли, пока он был жив, была в основном оборонительной, хотя и содержала некоторые сдержанно-наступательные элементы. Он «предсказывал афинянам победу, если они не вступят в бой с врагом в открытом поле, а вместо этого будут укреплять свое морское могущество и во время войны не станут расширять своих владений, подвергая опасности самое существование родного города» (II.65.7). Поэтому они должны были отказаться от сражения на суше, покинуть сельскую местность и отступить за свои стены, пока спартанцы безрезультатно опустошают их поля. Тем временем афинский флот принял бы серию рейдов к побережью Пелопоннеса, но не для того, чтобы всерьез навредить, а просто чтобы досадить

врагу и дать ему понять, какой ущерб могут нанести афиняне, если захотят. Замысел состоял в том, чтобы продемонстрировать спартанцам и их союзникам, что те бессильны победить Афины, и истощить их психологически, а не физически или материально. Естественные разногласия в шаткой организации Пелопоннесского союза, например между более уязвимыми прибрежными полисами и более защищенными внутренними, проявились бы в разорительных стычках. Вскоре стало бы очевидно, что пелопоннесцы не смогут победить, и был бы заключен мир. Полностью дискредитированная спартанская военная фракция уступила бы власть благоразумной стороне, которая оберегала мир с 446—445 гг. до н. э. И тогда Афины могли бы с нетерпением ждать наступления эпохи мира, куда более прочного, основанного на осознании противником своей неспособности одержать победу.

Этот план гораздо больше подходил для Афин, чем традиционное противостояние пехотных фаланг, но он имел серьезные огрехи, и упование на него стало причиной провала Перикловой дипломатической стратегии сдерживания. Первым уязвимым местом этого плана был базовый недостаток доверия. События показали, что Периклу действительно удалось убедить афинян принять его схему и придерживаться ее до тех пор, пока он был их лидером, но мало кто из спартанцев, да и вообще из греков поверил бы в ее осуществимость, пока не увидел бы ее воплощенной на практи-

ке. Афинянам, к примеру, пришлось бы терпеть оскорбления и обвинения в трусости, которыми враг бросался бы в их адрес из-под их стен. Это было бы попранием всего культурного опыта греков, их героической традиции, которая ставила воинскую храбрость на вершину греческих добродетелей. Кроме того, большинство афинян жили в сельской местности, и им бы пало на долю, спрятавшись за городскими стенами, пассивно наблюдать за тем, как враг уничтожает их урожай, повреждает деревья и виноградники, грабит и сжигает их дома. Ни один грек, имея хоть какой-то шанс на сопротивление, не пошел бы на это, и всего десять с небольшим лет назад афиняне уже принимали бой, чтобы не допустить такого опустошения.

Вторая слабость Периклова плана заключалась в том, что было трудно убедить афинян вступить в войну с такой стратегией и еще труднее удержать их в приверженности этой стратегии после начала боевых действий. Когда спартанцы вторглись в страну, афиняне «с грустью покидали домашние очаги и святыни, которые всегда привыкли почитать еще со времен древних порядков как наследие предков. И для всех них – деревенских жителей – предстоящая перемена в образе жизни была равносильна расставанию с родным городом» (II.16). Когда захватчики приблизились к городу, многие афиняне, особенно молодые, настаивали на том, чтобы выйти на битву, и яростно ополчились на Перикла «за то, что он, будучи стратегом, не ведет их

на врага, и винили во всех своих бедствиях» (II.21.3). Наконец, Перикл был вынужден использовать свое исключительное влияние, чтобы предотвратить созыв народного собрания, «опасаясь, что афиняне, не взвесив разумно положения дел, в раздражении могут наделать ошибок» (II.22.1).

Никто, кроме Перикла, не смог бы убедить афинян принять такой план и придерживаться его. Однако ему уже было за шестьдесят, и, если бы кризис быстро прошел, но после его смерти разгорелся вновь, воплощение стратегии стало бы неисполнимым, а альтернативой было бы почти неминуемое поражение. Возможно, подобные размышления и сделали дипломатию Перикла столь бескомпромиссной.

У афинской схемы был еще один недостаток. На первый взгляд может показаться, что использованный в ней подход был абсолютно логичен: поскольку Афины преследовали оборонительные цели, они должны были принять и оборонительную стратегию. Но так как самой желанной целью было избежание войны путем сдерживания, оборонительный план не был уместен. Задача сдерживания – вызвать у врага такой страх, чтобы он решил отступить от войны, а стратегия Перикла в действительности давала спартанцам мало оснований для страха. К примеру, если бы афиняне отказались воевать, то спартанцы заплатили бы за это лишь кое-какими усилиями, потраченными на то, чтобы в течение месяца или около того совершить поход в Аттику и посеять там хаос. Если бы афиняне высадили войска на Пелопонне-

се, они не смогли бы причинить большого вреда, не возведя крепостей и не обосновавшись там на долгое время. Если бы они построили крепости вдали от побережья, их можно было бы окружить и заморить голодом; если бы они построили их на побережье, их можно было бы изолировать и лишить возможности сеять какие-либо разрушения. Ничто из этого не потребовало бы от спартанцев слишком болезненного или дорогостоящего тщания. Более проницательные люди могли бы увидеть, что со временем афиняне сумели бы нанести ущерб по крайней мере прибрежным полисам путем набегов и вмешательства в их торговлю, в то время как неспособность Спарты защитить их могла бы подорвать ее лидерство в альянсе и привести к опасному отходу союзников. Но мало у кого хватило бы воображения представить такую перспективу в туманном будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Эти книги были выпущены издательством Корнеллского университета. Вот их названия: «Начало Пелопоннесской войны» (The Outbreak of the Peloponnesian War, 1969), «Архидамова война» (The Archidamian War, 1974), «Никиев мир и Сицилийская экспедиция» (The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition, 1981) и «Падение Афинской империи» (The Fall of the Athenian Empire, 1987).

2.

Слова Невилла Чемберлена о ситуации в Чехословакии в 1938 году, которая вскоре привела ко Второй мировой войне. В.В.С. Archives; record no. 1930. Цит. по: С. Thorne, The Approach of War 1938–39, London, 1982, p. 91.

3.

«Пелопоннесской» эта война была, конечно, с точки зрения афинян; спартанцы, вне всякого сомнения, воспринимали ее как «Афинскую войну».

4.

Остров Эгина, принужденный вступить в Афинский морской союз в ходе Первой Пелопоннесской войны, тайно присоединился к коринфянам, жалуясь на плохое обращение со стороны Афин и возбуждая недовольство

других пелопоннесцев (1.67.2), но конкретные основания их жалоб неясны.